

Александр Романов

ГРАВИТАЦИЯ

часть 2

Тайны Проксимы

aeqitas

Гравитация

Александр Романов

Тайны Проксимы

«Aegitas»

Романов А.

Тайны Проксимы / А. Романов — «Aegitas», — (Гравитация)

ISBN 978-1-77-313006-4

Около 12 миллиардов лет назад появилась Вселенная. Она стала общим домом для материи, полей и всех живых существ. В основу строения Вселенной был заложен простой принцип Гравитации и двойственной природы мироздания. Были созданы галактики и чёрные дыры, звёзды и планеты, ядра и частицы, мужское и женское начало. На протяжении сотен тысяч лет люди, появившиеся на планете Земля, были окружены магией таинственных знаков и самого главного из них — числа 12. Долгое время человечество не могло понять истинного смысла и важности этого числа. Ему придавали божественное значение, использовали в системах отсчёта времени и календарях. Однако, очень скоро всем живым существам во Вселенной придётся осознать истинную важность этого числа... Ключевая и самая масштабная работа Александра Романова трилогия “Гравитация” - высококачественная научная фантастика, не уступающая творчеству братьев Стругацких по полету философской мысли, а по художественному изложению и по масштабу даже превосходящая их.

ISBN 978-1-77-313006-4

© Романов А.

© Aegitas

Содержание

/Солнечная система. Планета Земля./	5
/Солнечная система. Планета Марс./	8
/Солнечная система. Планета Земля./	11
/Солнечная система. Сатурн. Спутник Энцелад/	14
/Солнечная система. Венера./	19
/Солнечная система. Планета Земля. База ОДО/	29
/Звездная система Проксима./	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Романов

Гравитация. Часть 2. Тайны Проксимы

/Солнечная система. Планета Земля./

Яркий свет прожекторов озарил овальный зал, и, высекая воспламеняющиеся искры, две блестящие катаны скользнули друг по другу острыми лезвиями. Ежегодные соревнования по кендо подошли к финалу, и Алексей, воспользовавшийся неожиданно возникшим промедлением в процессе подготовки полета на Проксиму, планомерно двигался к очередной победе. Однако на этот раз его соперник был на удивление проворен и ловок. Его владение мечом было настолько умелым, что порой Алексею казалось – расслабься он всего на одну секунду, и резкое режущее движение соперника приведет его к поражению. Ему было тяжело осознавать это и все же не признать уровень сноровки и мастерства его соперника в финале было невозможно. В ходе одной из очередных атак ему даже показалось, что враждебный клинок, несмотря на защитное поле, даже смог коснуться его правой руки леденящим дыханием. Зрительный зал был полон до краев, и некоторым зрителям даже пришлось разместиться в проходах между рядами. Двенадцатый межпланетный кубок привлек невероятное количество желающих увидеть одно из самых захватывающих спортивных соревнований.

Очередное замешательство Алексея чуть было не привело к потере им заветного трофея. На секунду он даже содрогнулся от вспыхнувшей у него в голове мысли, что оставить любимый спорт, уйдя непобедимым, ему не удастся. Каждым выпадом, каждым движением и прыжком он старался выйти победителем из финальной схватки, но делать это с каждой секундой становилось все сложнее. Одним из сильных ударов его сопернику даже удалось выбить катану из его рук, чего никогда не случалось ранее. Однако, сделав несколько головокружительных кульбитов, он все же снова смог схватить ее в руку, чем невероятно поразил зрителей. Этот трюк произвел должное впечатление и на его визави. Защита соперника стала менее убедительной, и вкупе с наложившейся усталостью его сила и скорость ударов стали значительно ослабевать. Сжав рукоятку катаны всеми силами, что у него оставались в запасе, Алексей нанес сокрушительный удар, и на этот раз уже его противник не удержал оружие. Оттолкнув конкурента ударом ноги и повалив на землю, Алексей схватил вторую катану левой рукой и скрестил мечи перед собой. Его сопернику не оставалось ничего другого, кроме как поднять вверх правую ладонь, символизируя признание поражения, и публика в тот же миг вспыхнула бурными овациями. Противостояние длилось почти полчаса и заставило понервничать не только участников, но и тех, кто все это время пристально следил за поединком.

Очередной трофей открытых межпланетарных соревнований был завоеван, но ощущение сложности, с которой на этот раз он победил в бою, никак не хотели оставлять сознание Алексея.

– Как тебе зовут, боец? – поинтересовался Алексей, протягивая руку и ожидая услышать настоящее имя столь достойного соперника, однако тот ограничился лишь озвучиванием псевдонима, которым пользовались все участники соревнований.

– Мое имя Ренегат! – сухо ответил юноша, освободив лицо от защитной маски.

На вид ему было не больше двадцати трех лет. Его светло-русые волосы были коротко подстрижены, над карими глазами нависали толстые и довольно густые брови, а щеки и подбородок были покрыты ухоженной щетиной.

– Клянусь, что в следующий раз тебе уже не одолеть меня, Зевс, – добавил он сухо, и, согнув руку в локте, встретился хваткой с ладонью Алексея. Этим жестом начинался и оканчивался каждый поединок кендо.

Правила соревнований разрешали использовать псевдонимы вместо настоящих имен, и все без исключения участники пользовались этой возможностью, подбирая себе самые звучные и красивые из них.

Вскоре силуэт Ренегата слился с мраком коридора, куда уходили все побежденные участники. Процедуру награждения и чествования проходила лишь для единственного и безусловного победителя. Алексей принял заветные трофеи и поднялся на трибуну для того, чтобы сказать несколько заключительных слов:

– Кендо – редкий, с трудом сохранившийся вид единоборств с использованием режущего холодного оружия. Я знаю, что у нашего спорта есть много противников. Они считают его опасным. Но я не согласен с ними. С применением новых технологий, мы сделали большой шаг вперед в развитии этого редкого искусства. Со времен создания защитного поля теперь мы не причиняем друг другу боль, но при этом наши навыки владения этим уникальным оружием крепнут день ото дня. Теперь нам нет нужды спаринговаться с резиновыми палками, нет нужды применять деревянные имитаторы катаны, у нас в руках настоящее оружие. Уже с двенадцати лет я серьезно занимался изучением техники и приемов кендо, много раз был в Японии и даже сконструировал свои собственные катаны. Наше искусство – это не только размахивание железным клинком, как считают некоторые наши противники, но и серьезная духовная подготовка. Фактор психологической подготовки – вот чем, в конце концов, выигрываются поединки. После турниров ко мне часто подходят молодые участники, которые только начинают делать первые шаги в кендо, и спрашивают, как мне удалось победить теперь уже двенадцать раз подряд. Мой рецепт прост – сохраняйте сопротивление психологическому натиску соперника, проявляйте уверенность в своих силах, хладнокровие и спокойствие духа. Достижение этих состояний на девяносто процентов и обеспечивает победу. Я благодарю всех, кто принял участие в двенадцатом межпланетном турнире и вас, дорогие зрители, за то, что питаете к этому спорту такой же трепет, как я. До скорых встреч!

Спустившись с пьестала, он подошел к невысокому пожилому человеку. Внешность его была совсем не примечательной. Выделяла его из толпы разве что слегка старомодная белая обувь, да красно-бурая папка с бумагами, которую он с силой прижимал к груди, словно стараясь удержать от падения хранившиеся в ней бумаги. Это был директор юношеской школы кендо, средства в которую Алексей регулярно перечислял после каждого соревнования. Когда-то и он занимался там и теперь по прошествии многих лет чувствовал себя обязанным учебному заведению, оставившему в его прошлом, настоящем и будущем столь значительный след.

Алексей уже направился к выходу из комплекса, как вдруг его окликнул знакомый женский голос. Обернувшись, он увидел Юлию. Это была все та же жгучая брюнетка с короткостриженными волосами и обольстительно-хищническим взглядом, который мог свести с ума любого мужчину. Любого, но не Алексея. В очередной раз он почувствовал на себе как сильны могут быть акценты восприятия человека в зависимости от того испытывает или нет его сердце то чувство, которое люди называли загадочным и мистическим словом любовь. То, что другому мужчине показалось бы игривым, приятным воздыханием, представлялось ему навязчивым, лукаво-манящим взгляд утомлял, прекрасное ухоженное лицо, казалось чересчур смазливym. И все же он попытался сделать все, чтобы не выдать истинных чувств. Трепета к ней он уже давно не испытывал, но этого конечно же было не достаточно, чтобы обидеть ее словом.

– Куда же великий Зевс всегда так торопится? В графике совсем нет времени на поклонниц, – ласково начала диалог девушка.

– Здравствуй, Юлия, ты права. Совсем нет времени. Все думаю, вот будет свободный денек, обязательно приглашу куда-нибудь старую подругу.

– Дождешься от тебя... – с ноткой болезненного разочарования ответила Юлия, по всей видимости, обидевшись на неловко подобранное Алексеем прилагательное. – Я, между прочим, далеко не старая. Уж помоложе твоей Иры буду.

С этих слов Алексею сразу стало понятно, какой ракурс примет разговор и, не имея желания в очередной раз обсуждать эту тему, решил просто обойти Юлию и продолжить движение вперед. Однако его собеседница была не из робкого десятка и просто так отступить была не намерена. Сделав несколько шагов назад, она снова поравнялась с ним и решила сменить тактику.

– Прости, Лешенька, снова вырвалось. Может, ты сможешь подобрать лекарство от моей боли?

– А что с тобой? – поинтересовался Алексей, хотя и предполагал каким будет ее ответ.

– Понимаешь, я люблю молодого человека, но он никак не хочет разглядеть во мне женщину.

– Может, стоит попытаться понять, способен ли он испытать к тебе ответные чувства?

– Я уверена, что он может, просто на его разум нашло затмение. И он перестал замечать солнце, которое жаждет только одного – согреть его объятиями и осветить ему путь взглядом.

– А что если он осознанно не хочет видеть это сияние? Если ему больше по душе та Луна, которая оказалась настолько смелой, что затмила само Солнце?

– Тогда ему остается только посочувствовать, так как жить в темноте никому не пожелаешь!

Последнюю фразу Юлия произнесла с особой грустью. Ее разочарованию не было предела. Еще не так давно Алексей был так добр и нежен с ней, однако с тех пор как состоялось его знакомство с Бергами, от его чувств не осталось и следа. Лучше и не прикасаться к сладости, которую больше никогда не сможешь вкусить, чем испробовать ее и всю оставшуюся жизнь мучиться, сгорая от желания продлить то удовольствие. В очередной раз ее пылающая страсть, трепещущая нежность и нестерпимое желание разбились о скалы безответной любви. Больше сомнений быть не могло. Его чувства к другой были настолько сильны, что разорвать эту роковую связь могла, пожалуй, только смерть. Она уже не раз была свидетельницей того, какими пылающими взглядами он одаривал ее соперницу, и каждый раз наблюдая за этими незримыми ласками на ее сердце появлялся очередной шрам. Сколько бы раз она не пыталась заглушить в себе страсть к Алексею, каждая новая попытка приходила к краху. Порывов ее показательной ревности, желаний причинить ему боль долгим молчанием хватало не больше чем на несколько дней, а затем ее мысли и сны снова наполнялись его образами, их несбыточными свиданиями, его несуществующими объятиями и несказанными словами. Боль становилась невыносимой, и сознание все чаще молило о необходимости избавления от этих мучительных страданий.

Они еще несколько минут шли молча рядом друг с другом, но Юлия поймала себя на мысли, что она больше не ощущает той энергетики, которая когда-то так бурно исходила от его прикосновений, от возможности просто быть рядом с ним. И причиной этому она могла видеть только одно – свою соперницу.

/Солнечная система. Планета Марс./

Ни одна другая из планет солнечной системы не испытала не себе столь быстрого развития, как Марс. Венера потребовала значительных усилий Института для нормализации климата, уменьшения концентрации опасных газов в атмосфере и понижению средней температуры. Европа отвлекла ресурсы на подогрев ледяных океанов. Марс же, когда-то располагавший собственной атмосферой, требовал не так много внимания. Все трудозатраты свелись к установке первых кислородных синтезаторов. Высвобождая атомы нужных химических элементов из уже имевшихся на планете, они запускали процесс регенерации воды. Все остальное вспомнила марсианская природа сама. Появились первые озера, реки, поселения, а затем и большие города. Температура на Марсе, конечно, была слегка холоднее венерианской или земной, но, как оказалось многие люди, как раз предпочитали более умеренный климат и стремились переехать туда с продолжающей нагреваться Земли. Температура на Марсе редко опускалась ниже нуля и поднималась выше десяти по Цельсию.

А уж возможностей для новой жизни Марс предоставлял куда больше, чем Земля или Венера. Весьма быстро здесь были открыты запасы редких материалов, и одному из переселенцев даже удалось обнаружить небольшое алмазное месторождение.

Позаботился о том чтобы обеспечить здесь свое присутствие и Особый департамент обороны. Именно сюда в реальном времени стекались все аналитические и разведывательные материалы со всех обитаемых планет Солнечной системы. Здесь под двухсотметровой глубиной находился один из самых секретных отделов. В его компетенцию входило обеспечение резервного хранения данных, планирование операций, анализ уровня межпланетной безопасности, составление отчетов об обнаруженных внешних угрозах. Здесь же, по специальному указанию генерала Майерса, была размещена и группа, занимавшаяся обработкой данных получаемых со спутника X10-PKL52M.

Комнаты в подземной базе ОДО были до отказа наполнены высокотехнологичным оборудованием. Громосткие стеллажи вмещали в себя десятки нейронных компьютеров, облаченных в непроницаемые для посторонних взглядов черные корпуса. Пол был устлан хаотично разбросанными толстыми проводами; как тысячи змей они извивались во всех направлениях и, в конце концов, вцеплялись острыми клеммами в избранный элемент сетевого оборудования.

– Вот это я понимаю техника! С тех пор как на X10 модернизировали центральные линзы, я даже муравья на Венере могу рассмотреть, – воодушевленно прошептал Чанг и, введя на терминале управления несколько команд, получил невероятно четкое изображение. В волнистую голубую гладь бассейна с разбега прыгали красивые молодые брюнетки.

Чанг с большим удовольствием еще несколько часов наслаждался бы этим зрелищем, если бы его коллега не заинтересовался предметом его бурного интереса.

– Хватит уже ерундой заниматься! Что ты там все рассматриваешь на Венере? – спросил Йен.

Чанг резко сорвал с глаз трехметровые очки, быстро оглядел коллегу, словно беззвучно вопрошая: «С чего ты взял, что спутник был направлен именно на Венеру?».

– Дублирующий монитор... Ты забыл отключить его в коммутаторе, – последовало пояснение, и взгляд Чанга в тот же миг скользнул к подвешенному рядом с ним дисплею, на котором продолжали красоваться фигуристые женские тела.

– Ну а что... Ну подумаешь... – оправдание получилось скомканным и невнятным. Чанг пробежался по сферической клавиатуре и всего за несколько движений, написав скрипт для спутника, ввел его в работу. Системы телеметрии и оптические компоненты спутника X10 моментально перестроились, беспрекословно повинаясь приказам главной управляющей стан-

ции. Друзья снова посвятили себя работе. Оба замолчали и в следующий час не проронили ни слова.

– Давай перекусим что ли... – фраза пронзила застывшую словно туман, тишину.

– Чанг, ты что оглох? – снова послышался хрипловатый голос астрофизика. Проведя носовым платком по лбу, он смахнул капельки пота, блестящие под светом вытянутых голубых ламп. В тот день вентиляция технологических помещений снова дала сбой и ему пришлось снять не только пиджак и галстук, но и расстегнуть пару верхних пуговиц на белой рубашке.

– Йен, ты не поверишь, что я увидел... – наконец-то послышалась в ответ восторженная фраза.

– Слушай, ты каждый день там что-то видишь и каждый день это что-то гениальное. Я тебе говорю, пойдем лучше перекусим, невозможно уже здесь в жаре сидеть. А в чайной, говорят, уже вентиляцию наладили.

– Да, бог с ним с завтраком, ты лучше посмотри. Это же фиолетовый...

– А мне вот фиолетово, на твой фиолетовый. Я есть хочу и скоро умру здесь от жары, – не унимался Йен. Говорил он очень быстро, часто глотая окончания слов и предложений. Подводя указательные пальцы к слегка вытянутым глазам, он обнаружил, что капельки пота добрались и до его век. Протерев их, он небрежно смахнул влагу на пол.

– В общем как хочешь, – Йен махнул на друга рукой и отправился на обед один.

Вернувшись обратно, он застал Чанга точно в таком же положении. Он то резко хватался за лазерный карандаш и начинал с невероятной скоростью делать какие-то записи, то снова впивался глазами в экран. Такое поведение было не совсем нормальным даже для его друга, и Йен решил приглядеться к тому, что так заинтересовало коллегу.

– Так что тут у тебя? – негромко сказал Йен, но Чанг, безмерно увлеченный предметом вспыхнувшего интереса, не ожидал услышать чей-то голос и подскочил на месте, вздрогнув от неожиданности.

– Фиолетовое, оно фиолетовое... – как заколдованный повторял Чанг.

– Да, что с тобой? – Йен схватил друга за плечи и немного потряс его, все же смог получить долгожданную реакцию на вопросы. Чанг наконец-то посмотрел на коллегу. Его вытянутые глаза еще никогда не округлялись так сильно, нижняя губа свисала вниз изображая невероятное удивление, а от неизъяснимого волнения казалось даже шевелились уши.

– Галактика М865. Ты видел, что с ней происходит?

– А что с ней может происходить? Висит себе и висит в космосе.

– Как бы не так, посмотри сюда! Это же фиолетовое смещение!

– Не говори чепухи Йен, с 1912 года стало понятно, что мы будем наблюдать только красное.

– Тогда это означает только одно. Либо со времен Слайфера и Хаббла больше никто не заботился этой проблемой, либо что-то изменилось совсем недавно, и это происходит с безумной скоростью.

– Дай же посмотреть, – Йен оттолкнул коллегу плечом и прильнул к интерфейсу прямого взаимодействия с телескопом X10. Несколько минут он производил сосредоточенное наблюдение, затем оторвался от прибора, протер глаза, потряс головой, снова сконцентрировался на изображениях, затем, видимо сочтя, что глаза могут продолжать обманывать, он перевел программу в режим отображения метаданных. «Цифры не глаза, врать не будут», – прошептал он самому себе, но и получаемые результаты измерений регистрируемых длин волн подтверждали только что увиденное.

– Мы должны срочно доложить в штаб, – наконец ошарашенно заговорил Йен и бросился к стойке связи с базой ОДО на Земле.

– Генерал Майерс сейчас инспектирует учения. Будет в своем кабинете в шестнадцать часов, – прозвучал голос старшего лейтенанта из штата базы.

– Успеем долететь! Такое – только лично... – ответил Йен. – Запиши нас к нему на шестнадцать!

– В шестнадцать пятнадцать у него... – послышалось в трансмиттере, но Чанг уже отключил канал связи.

– Не важно, что у него там... Он должен узнать об этом как можно раньше, – взволнованно сказал Йен. – Если будем отправлять данные в ежедневных сводках, он либо не уделит им внимания, либо прочитает, но все равно ничего не поймет.

– А, нужно чтобы все узнали! – дрожащим голосом прибавил Чанг. – Мы будем знамениты как Слайфер и Хаббл! Фиолетовое! Фиолетовое смещение! – продолжал шептать он.

Всего за десять минут они преодолели бесчисленные коридоры подземной марсианской базы и, добравшись до космопорта, поднялись на борт звездолета.

/Солнечная система. Планета Земля./

База ОДО была покрыта дождевыми тучами, но природа все никак не решалась разразиться ливнем. Пилотируемый Чангом небольшой военный звездолет разрезал тучи и жестко приземлился на полированные бетонные плиты.

– Можно было бы и помягче! – пожаловался Йен.

– Нет времени! – в спешке ответил Чанг, сдергивая ремень безопасности и выбегая из корабля.

Бросив быстрый взгляд на часы, они поняли, что задержались в перелете и ускорили шаг.

– Мы с марсианской базы. Отдел астрофизики. Сектор X10. Где кабинет генерала Майерса? – встревоженно спросил Чанг на посту внутренней охраны.

– В конце коридора. Вы в сегодняшнем графике?

Однако быстро посмотрев друг на друга, Чанг и Йен рванули вперед, не ответив на вопрос.

– Ей! Куда? – двое охранников бросились за ними. – Это режимный этаж. Будем стрелять!

– Однако, друзьям уже удалось преодолеть целый пролет и дотянуться до большой коричневой двери.

– Генерал, я пытался задержать их... – с предыханием прокричал подоспевший охранник и, поймав на себе строгий взгляд начальника, в тот же момент принял смиренный вид.

– Вы должны это увидеть, генерал! Это срочно, – на перебой закричали прибывшие военные ученые.

Майерс встал из-за стола и оглядел быстрым взглядом спецодежду Чанга и Йена, сразу определив их принадлежность к марсианской базе ОДО, а затем перевел глаза на охранников.

– Если двое астрофизиков смогли преодолеть внутренний кордон, зачем мне он вообще нужен?!

Подбежавший охранник потупил голову и опустил глаза.

– Это ведь свои...

– Вот именно свои. Убивать нельзя, а задержать можно. Попробуй тут на полигонах наведи порядок, когда даже внутренняя охрана беспомощная, как малыши в детском саду. Потом с вами разберусь! Возвращайтесь на пост!

Майерс проводил взглядом сержанта и посмотрел на все еще учащенно дышавших астрофизиков. – Так что у вас такое срочное, что аж с Марса прилетели?

– Это невероятно! – заговорил Чанг.

– Вы должны это увидеть, – вторил ему Йен.

– У меня всего десять минут для вас. Если это что-то мелочное...

– Галактики, генерал, они приближаются.

– Какие галактики? Куда приближаются? – положив левую ладонь на стол и прижав правую ко лбу, произнес Майерс. Со времен запуска X10, он уже не раз был свидетелем, подобных «сенсаций», которые на поверку оказывались малозначительной фантазией астрофизического отдела ОДО.

– M865, которую мы наблюдали последние несколько дней... Она приближается к Млечному пути. Это фиолетовое смещение. Тоже самое происходит с M87 и M65, – заговорил Чанг.

– Красного смещения больше нет, генерал, – обеспокоенно продолжал Йен.

– Так давайте по порядку и отдышитесь что ли уже...

– Ну как же... Эффект Доплера... – продолжал бормотать ученый.

– Слушайте, у меня с утра сегодня и так голова кругом. А вы... Доплер... Фиолетовое смещение... Можно как-то понагляднее? – огрызнулся уязвленный генерал.

– Хорошо, давайте я нарисую вам это, – Чанг потянулся к лазерному карандашу и, подойдя к стене, где висела коричневая доска, начал с невероятной скоростью наносить формулы и графики, попутно комментируя их.

– Эффект Доплера... Как бы это вам объяснить попроще, чтобы вы вспомнили. На практике мы с вами можем наблюдать его, когда мимо нас пролетает звездолет с включенной сиреной. Предположим, сирена выдает какой-то определенный тон, и он не меняется. Когда звездолет зависает над нами без движения, тогда мы слышим именно тот тон, который издает сирена. Но если звездолет с сиреной будет приближаться к нам, то частота звуковых волн увеличится, и мы услышим более высокий тон, чем на самом деле издает сирена. Когда звездолет пролетит дальше и будет уже отдаляться, а не приближаться к нам, то мы услышим более низкий тон, вследствие меньшей частоты и, соответственно, большей длины звуковых волн.

– Замечательно, я что-то уже припоминаю из школьной программы по физике, только, какое это имеет отношение к космосу и галактикам?

– Я как раз подхожу к этому, генерал, – закивал головой Чанг. – Для звуковых волн, распространяющихся в какой-либо среде, нужно принимать во внимание движение, как источника, так и приемника волн относительно этой среды. Для электромагнитных же волн, например, света, по которому мы и определяем расстояние до соседних галактик, для распространения которых не нужна никакая среда, в вакууме имеет значение только относительное движение источника и приемника. С помощью эффекта Доплера по спектру небесных тел определяется их лучевая скорость. Изменение длин волн световых колебаний приводит к тому, что все линии в спектре источника смещаются в сторону длинных волн. Иными словами, если лучевая скорость направлена от наблюдателя – имеет место красное смещение, если в направлении лучевой скорости – к наблюдателю, имеет место фиолетовое смещение. То, что мы и видим сейчас.

– Впервые красное смещение было обнаружено Слайфером в 1912 году, – продолжил Йен, – А в 1929 Хаббл открыл, что красное смещение для далеких галактик больше, чем для близких. Но сейчас все словно перевернулось вверх дном. Мы думали, что случай с M101 является не референтным и перепроверили его с другими галактиками, но, увы, это не ошибка.

– Так, я, кажется, начинаю понимать, – пробормотал Майерс, – вы говорите о том, что впервые за время наблюдений, человечество видит фиолетовое смещение, и это значит, что все галактики начинают не отдаляться, а приближаться к нам?

– Все верно. Похоже, те теоретики, которые говорили о модели пульсирующей Вселенной оказались правы, – ответил Чанг.

– Но самое главное не это. Важно продлить модель до логического завершения. Раз галактики начинают приближаться друг другу, куда в конечном итоге они устремятся? – озадачился вопросом Йен и спустя секунду сам же ответил на заданный вопрос. – Конечно же в центр Вселенной, откуда все когда-то и началось.

– Но ведь процесс расширения Вселенной длился очень долго, значит все и будет сжиматься столько же. Разве не так? – продолжал рассуждать Майерс.

– Боюсь, что нет, генерал. Часть галактик уже начала сталкиваться NGC4435 и NGC4438, NGC5257 и NGC5258. Скорее всего, вернувшись обратно в марсианскую лабораторию, мы увидим, что X10 продолжит фиксировать все новые сталкивающиеся галактики.

– Подождите, вы хотите сказать, что совсем скоро все снова вернется в состояние крошечной точки? И все это произойдет на наших глазах? – в глазах Майерса впервые проскочили искры беспокойства.

– Боюсь, что конца Вселенной мы не увидим, генерал. Все живое умрет гораздо раньше. Мы должны проверить наличие фиолетового смещения с ближайшими к нам галактиками.

– Андромеда?

– Да. Если эти силы уже захватили и ее, то совсем скоро...

– В общем если Млечный путь столкнется с Андромедой, нам конец, – помог запнувшегося другу Йен.

– То есть как конец? Опишите в деталях что именно произойдет! – с недоумением в голосе, уточнил все еще не осознававший размера надвигающейся угрозы, Майерс.

– Сила столкновения усилится гравитационным притяжением, – начал стучать краски Йен. – Андромеда больше нас по размеру. Ее галактические рукава при первом же контакте приведут к нарушению центра масс Млечного пути. Мощность гравитационного разрыва будет такой сильной, что в зависимости от угла соприкосновения наше Солнце либо столкнется с соседней звездой, либо будет отброшено в другую точку пространства, уничтожив при этом рывке все наши крошечные планеты. В любом из этих случаев, все живое на обитаемых планетах нашей звездной системы умрет всего за несколько часов. Однако смертоносный процесс на этом не остановится. После того как все близлежащие галактики перемешаются, весь этот хаос из остатков звезд планет и воспламеняющихся газов превратятся в сгусток космического мусора, который, как и все остальные галактики, устремится к центру Вселенной, к месту их первоначального зарождения. Галактические сгустки будут смешиваться друг с другом, пока снова не превратятся под действием гравитации в бесконечно тяжелый и бесконечно насыщенный энергией шар.

– Никто не сможет сказать, что произойдет дальше, – продолжил Чанг. – Законы физики на этом этапе прекратят свое действие. Перестанет существовать даже время. То, что имело место во время Большого взрыва, до сих пор остается загадкой для ученых. Такая же неясность будет и с Большим сжатием.

– Да вот такой мы придумали термин, – продолжил Йен с непонятной даже ему самому горделивостью и ноткой юмора, совершенно не подходящим к размерам серьезности разговора.

Генерал Майерс откинулся на спинку кресла и глубоко вздохнул. За время работы в ОДО ему приходилось слышать много разных небылиц, но эта, как не странно, отчего-то казалась ему чересчур правдоподобной. Люди веками ждали и одновременно боялись Конца света, и только что высказанная астрофизиками теория, при всей ее невероятности казалась ему на удивление соответствующей страхам человечества. Логичной она казалось и потому, что Конец света в ней приходил не от внезапно нахлынувших болезней, не от рук потустороннего разума, атак из параллельных миров, а от логичного завершения бытия, как такового. Ему показалось интересным, что рождение и смерть человека в каком-то смысле тоже похожи на то, что только что было высказано в отношении всей Вселенной. Человек рождается из ничего и в конце жизни в ни что же и превращается. Вселенная имела начало и значит должна иметь конец, и подобная его форма была удивительно соизмеримой и адекватной ее рождению.

– Исследуйте наличие и силу фиолетового смещения для Андромеды и других галактик Местной группы. Это позволит проверить теорию и понять, как много у нас времени, – заключил генерал. Если данные подтвердятся, возможно, нужно начинать думать об эвакуации. Необходимо избежать паники среди гражданских.

– Конечно, мы сейчас же отправимся обратно в лабораторию, – закивал головой Йен.

– Но думаю, что гражданским не обязательно об этом знать, сэр, – дополнил Чанг, уже поднявшись со стула и направившись к двери. – Эвакуироваться некуда. Весь привычный нам мир перестанет существовать. От этих процессов не может быть защиты.

Дверь за двумя астрофизиками захлопнулась, но генерал Майерс еще долго и сосредоточенно смотрел на оставшиеся после них на стене графики и формулы.

/Солнечная система. Сатурн. Спутник Энцелад/

– Встаньте, подсудимый! – прогремел мужской голос. – Принципал высшего гражданского суда Солнечной системы рассмотрел вашу апелляцию об уменьшении срока заключения, однако, счел представленные вами доводы неубедительными. Согласно двадцать первого статута Основного кодекса Солнечной системы вы приговариваетесь к пятидесяти годам лишения свободы. Тем не менее, режим вашего нахождения в «Бастионе-21» все же будет изменен с гипокарцера на обычную камеру. Данный приговор является окончательным и обжалованию не подлежит.

Ударив палочкой с прозрачным кристаллом по специальной, лежавшей перед ним на столе подставке, судья встал и приказал вооруженной охране, все это время молча стоявшей у клетки с лазерными прутьями, увести Владимира Баррета. Яркие вертикальные лучи стали медленно растворяться в воздухе, пока окончательно не пропали, и два сержанта, грубо взяв заключенного под руки, вывели его из зала заседания.

– Вы еще пожалеете о том, что так обошлись со мной! – пробормотал Баррет словно самому себе. Едва ли судья или даже конвоиры могли услышать эту фразу.

Охранники уводили его все дальше, в крайний блок тюремного коридора на четвертом этаже. Специально отведенный для преступников особой планетарной важности. Эта часть тюрьмы охранялась особенно тщательно.

– Дайте хотя бы лазерный карандаш! – отрывисто заговорил Баррет, оказавшись в камере.

– Может быть, тебе еще гранатомет принести? – фыркнул рыжеволосый сержант, посмотрев на него сквозь раздвинувшееся небольшое окошко в двери.

– Хотя что-нибудь, чем можно писать... – понимая, что жесткость в общении с охранниками никак ему не поможет, Баррет сменил тон на более мягкий.

Лейтенант Стивенсон бросил на него уничижительный взгляд. В его глазах чересчур быстро состарившийся, седой и сгорбившийся ученый не представлял какой-либо угрозы. Лоб, щеки и подбородок Владимира покрылись морщинами; давно ушедшая молодость забрала с собой еще недавно курчавившиеся волосы, кожа на шее одрябла, а на правом виске был заметен большой след от ожога. Линзы на его очках поросли маленькими трещинами, но никому здесь не было до этого дела.

Оглядевшись вокруг, Баррет обнаружил значительное улучшение условий своего содержания. В этой небольшой по размеру комнате хотя бы было окно. В камере отсутствовали какие-либо источники искусственного освещения, и поэтому это крошечное, едва ли больше чем двадцать сантиметров в диаметре окошко, казалось невероятно щедрым подарком. Он подошел ближе, и открывшаяся картина ошеломила даже его весьма бурное воображение. «Перевернутые вверх дном водопады», – прошептал он. Несмотря на то, что пару раз ему уже приходилось слышать истории бывших заключенных Энцелада, он и представить себе не мог, что окажется здесь сам и увидит это необычное природное явление. Огромные столпы воды вырывались не вниз, а вверх на невероятную высоту, и затем все та же гигантская водная масса падала обратно, и процесс повторялся заново. Едва ли где еще в Солнечной системе можно было бы увидеть столь удивительное зрелище.

В этот момент маленькая задвижка в двери камеры отворилась, и охранник, не сказав ни слова, бросил продолговатый предмет. Владимир подобрал с пола карандаш и внимательно осмотрел его.

– Естественно... Пористая оболочка с размягченным автозатачивающимся графитом, – прошептал он, и, сжав карандаш в двух кулаках, попробовал сломать его, но тот лишь гнулся подобно резиновой палке. – Таким даже с собой не покончишь...

И все же, как любой ученый, он не мог сидеть без дела, и белые стены вскоре превратились в огромные подобию белых листов для его чертежей. Остаток дня он провел в полной тишине, не вымолвив ни слова.

Утро следующего дня выдалось необычайно холодным. Жаловавшимся на озноб заключенным было решено включить дополнительный обогрев камер. Тем временем, всего в нескольких сотнях метров от тюремных блоков на главный космодром осуществлял посадку большой межпланетный круизер с представителями Гражданской администрации.

– Господа! Добро пожаловать в «Бастион-21». Самую надежную и непреступную тюрьму во всей Солнечной системе! – поприветствовал важных гостей директор тюрьмы. – Для нас большая честь принимать столь представительную делегацию. – Прошу Вас, господин Отто.

– Директор Колман любит официальность, – улыбнулся Герберт Отто. – Мы же с тобой уже как десять лет знакомы, Виталий. Помню тебя еще сержантом. Подходи поближе, я представлю тебе коллег. Это лейб-генерал Тим Полсон, секретарь по вопросам безопасности и его заместитель, полковник Руперт Нортберг. Так же с нами сегодня мисс Лара Геинс, директор департамента юстиции. Все по вашей части, как видите. А перед, дами и господа, как вы уже поняли, директор этого заведения полковник Виталий Колман.

– Очень рад... О-о-очень рад, – с чрезмерной учтивостью ответил директор тюрьмы, улыбаясь каждому из гостей и в особенности симпатичной Ларе. – Редко к нам прилетают столь важные персоны, тем более дамы. Место у нас не очень-то уж романтическое. Хотя очень надеюсь, что вам у нас понравится. Стараюсь, как могу, чтобы поддерживать имидж образцового места заключения опаснейших преступников всех обитаемых планет. Всегда рады гостям!

Однако директор департамента юстиции оказалась вовсе не такой, каким рисовало ее его воображение.

– Типун вам на язык, директор Колман. Не хотелось бы оказаться под вашим попечением, – без единого намека на улыбку, по-военному ответила длинноволосая шатенка. – Мы здесь только с одной целью – провести плановую проверку вверенного вам объекта планетарной важности.

– Конечно. Конечно. Я непременно предоставлю вам подробный отчет и ознакомлю со всеми необходимыми вам данными, пройдемте! – сожалея в сердцах о том, что госпожа Геинс оказалась столь не женственной, четко отрапортовал Колман и жестом пригласил проследовать за ним по длинному коридору.

Проходя внутрь комплекса, директор тюрьмы, горячо жестикулируя, повествовал историю «Бастиона-21»:

– После того, как тридцать лет назад, тюрьма была реконструирована, «Бастион-21» по праву может считаться самой неприступной крепостью во всей нашей звездной системе. Уникальное местоположение в самом центре круговой гейзерной активности Энцелада. Тройная система контроля периметра. Вживленные датчики движения...

– Вот с последним у нас как раз очень много проблем, – моментально отреагировала Лара Геинс. – Ассамблея считает, что эту дикую процедуру необходимо отменить. Одно дело языковые датчики – это придает людям дополнительные удобства при коммуникации, и совсем другое – датчики движения, служащие только одной цели – определять местоположение людей, и тем самым ограничивать свободу их перемещения. Представители либерального крыла Ассамблеи считают, что таким образом попираются права граждан Солнечной системы.

– И все же вето Ассамблеи до сих пор не применено, а, значит, пока мы можем использовать эти датчики! – со значительной долей упорства парировал директор тюрьмы. – Не знаю, как на других планетах, но в нашем деле эти устройства являются крайне необходимыми. В конце концов, это место содержания самых опасных преступников.

– Но ведь вы вживляете не только датчики, но и программные агенты, позволяющие подавлять активность мозга, – строго констатировала хорошо информированная в этих вопросах, Лара.

Директор Колман замялся, понимая, что разговор поворачивается в не очень выгодное для него русло и через несколько секунд сказал: – Ведь главное не это, правда? Главное, что за последние восемьдесят лет еще ни одному заключенному не удалось осуществить побег. Ни одна сила не способна сокрушить бастион, охраняемый моими элитными отрядами. Я сам тренировал каждого. Каждый из них – мой сын. Во всей Солнечной системе не найти лучших воинов.

– Мы зарыли топор войны на планетах, Виталий, не так ли?! – заговорил председатель Отто. – Ты ведь знаешь, что у нас больше нет понятия «воин». Все это осталось в прошлом. А звания, которые носят вооруженные люди, не больше чем атавизм. Возможно, пришло время заменить их новыми. Уж слишком сильно влияние этих слов на людей. Как слышат «полковник», «лейтенант», «капитан», так сразу думают об армии. А последние регулярные военные формирования были распущены более полувека назад.

– Что верно, то верно. Но в нашем деле без оружия нельзя. Сами понимаете, с кем имеем дело, – ехидно заулыбался директор «Бастиона-21». – Не хотите ли пройти и посмотреть на блок, специально спроектированный для тренировок наших офицеров?

– Мы бы предпочли проследовать в сектор содержания заключенных, – не прибегая к намекам, заявила Лара Геинс. – Цель нашего визита – не смотреть на ваши упражнения с оружием, а понять, в какой мере соблюдаются права заключенных.

– Как вам будет угодно, – учтиво ответил директор тюрьмы, в очередной раз удивленный ее жесткостью.

Прибывшие с инспекцией гости зашагали по длинным коридорам и вскоре увидели большой четырехъярусный зал. Многочисленные лестницы были переплетены подобно паутине, и каждая из них вела к отдельной камере. Пройдя по этажам, представительная делегация с вниманием ознакомилась с условиями содержания заключенных.

– На втором этаже у нас по крупным грабёжам. Те, кто отказался от исправительных работ на Теефе и Дионе, – пояснил директор Колман.

– Вон тот, в двести двенадцатой камере, два года назад стащил самый большой алмаз, из всех найденных на спутниках Сатурна.

– Ох уж эти алмазы, – улыбнулся Герберт Отто, посмотрев на блестящие серьги Лары, – люди за тысячи лет так и не утратили любви к ним. Иногда мне кажется, что у некоторых женщин она сильнее, чем любовь к мужчине и детям.

Лара бросила неодобрительный взгляд на председателя, но из уважения к его статусу не решилась комментировать его высказывание. Стоявший неподалеку от Лары, секретарь по вопросам безопасности, Полсон, тоже весьма заинтересовался высказыванием Герберта, но искусно носимая им маска, характерная почти для всех людей в погонах, не оставляла возможности для хотя бы частичного прочтения его мыслей.

К третьему этажу сил у них поубавилось, и председатель Гражданской администрации обратил внимание на три черные двери, находившиеся наверху.

– А что там? – с присущей ему любознательностью уточнил Отто.

– Черные двери на четвертом этаже – это для тех, у кого пожизненное. Те две слева пустуют, а вот в центре тот самый, как его... – задумался Виталий Колман, вспоминая фамилию заключенного, – Баррет. Точно Баррет. В карцер его хотели, но потом все же сжалились. На днях вот судья к нам приезжал. Из-за боязни что сбежит, устраивали выездное заседание прямо у нас.

– Баррет, конечно же... – поддержал Отто. – Хотя у меня нет голоса в Межпланетном суде, я его помню. По-моему, он проводил запрещенные эксперименты с фотонной активностью.

– Фотонная активность? – заинтересовался Полсон, все это время не обронивший ни слова. – Я думал, все эксперименты в этой области были прекращены уже много десятилетий назад.

– Да, но у этого Эйнштейна, кажется, поехала крыша, он решил, что знает секрет межзвездных перемещений, – ответил директор тюрьмы. – Его сначала хотели к «психам» определить, да в той истории еще какие-то мокрые дела примешались.

– Межзвездные перемещения?! Бред какой-то... Все и так знают, что до ближайшей к нам звезды даже на самых быстрых кораблях лететь более пятисот лет. Так что ни один экипаж живым туда не доберется. А коли так, что пятьсот лет, что сто. Все равно в таких полетах смысла нет, – с изрядной долей скепсиса заявила Лара.

– Ну, уж не знаю, бред или не бред, а по слухам, ему все же удалось создать некую установку для перемещения материи, только что-то пошло не так, и его самого вместе с коллегами чуть не разнесло на части. Вы же знаете этих чокнутых ученых.

– Можем ли мы увидеть и его камеру? Я бы хотел посмотреть в глаза этому человеку, – уточнил Полсон, поглаживая черные усы, которые вместе с небольшими кудрями на висках были всем, что осталось у него от волосяного покрова на голове. Подергивающееся веко правого глаза красноречивым отпечатком являло нервные тяготы прошлого, а вечно всем недовольный взгляд – иллюстрировал его неудовлетворенность настоящим. Тот, кто привык находиться в гуще горячих событий, уже никогда не сможет успокоить жаждущую храбрых сражений душу. А душа его требовала боев и сражений, но никак не инспекций и унизительной бумажной работы.

– Его камера находится под особой охраной. Мне понадобится пара минут, чтобы дать соответствующие распоряжения, – ответил Колман.

Не прошло и пяти минут, как директор «Бастиона-21» пригласил всех подняться на четвертый этаж, и в сопровождении усиленной охраны все они оказались у камеры Владимира Баррета. Титановая задвижка скользнула вверх, и им открылось затемненное стекло с небольшими отверстиями, через которое можно было рассмотреть камеру для пожизненных заключенных.

К удивлению председателя и его помощников, Баррет неподвижно сидел на полу у дальней стены, уставившись в нарисованные перед собой записи и чертежи.

– Да, этот человек – фанатик! Даже здесь пытается что-то чертить и планировать.

– Надеюсь, не план побега... – впервые за все время улыбнулась Лара.

– Поверьте мне, мисс Геинс! Это невозможно. Он может рисовать все, что угодно, но это ему не поможет. Согласно уставу, приговоренные к пожизненному сроку не могут даже общаться с другими заключенными.

– Что ж, я вижу, здесь все в полном порядке. У кого-нибудь есть желание посмотреть что-то еще? – осведомился Герберт Отто, переведя взгляд на коллег.

– Разве что столовую, – с довольством в голосе предложила Лара.

– Почему бы и нет. Я как раз распорядился на этот счет ... – ответил директор тюрьмы, ни на минуту не сбрасывая маску удовлетворения результатами проверки.

Только лишь один лейб-генерал Полсон все еще продолжал смотреть на Баррета сквозь затемненное окошко, делая вид, что не слышит коллег. В этот момент Владимир бросил на него пронзающий взгляд, от которого храброму офицеру даже стало немного не по себе, и он слегка отклонил голову.

– Не бойтесь, господин Полсон, эти стекла не только бронированные, но и зеркальные – он не видит вас изнутри. – Удобное приспособление, не правда ли?

– Да, я знаю. Я прочел это в отчете, – ответил секретарь по вопросам безопасности. Однако его сознание занимала совсем иная мысль. Взгляд, как они заявляли сумасшедшего ученого, совсем не был похож на взгляд психопата. За свою жизнь он видел такие глаза всего два раза, и в обоих случаях его обладатели были люди, не только не лишённые рассудка, но и отличавшиеся особыми дарами разума. Еще больше его занимали покрывавшие почти весь пол чертежи. Они были сделаны с невероятной четкостью, рукой если не профессионального конструктора, то уж точно предельно увлеченного и верующего в свои идеи человека.

– Господин Полсон! Вы с нами? Могу я приказать снова повесить безопасность этажа до штатного уровня? – обращался к нему директор тюрьмы, но тот словно не замечал и не слышал его.

– Тим! – окликнул полковника председатель и только тогда Полсон оторвал взгляд от Баррета, посмотрел на коллег и, отойдя от увлекших его мыслей, закивал головой и проследовал вниз по лестнице.

/Солнечная система. Венера./

«Беркут» плавно опустился на поверхность дышавшей спокойствием и умиротворением планеты. София и Ирина вышли из звездолета и пересели в небольшую капсулу, автоматический режим пилотирования которой, к сожалению, оказался неисправным. София переключилась на ручное управление, и транспортировщик, приподнялся над землей в ожидании дальнейших команд.

Венера и правда сильно преобразилась за последние десятилетия. От бывшего ада, состоявшего из опасных для человека газов и потоков расплавленной лавы, не осталось и следа. По всей поверхности безопасных зон раскинулись нескончаемые города-клиники. Люди со всей Солнечной системы съезжались сюда, чтобы поправить свое здоровье. Под гигантскими полусферами для дополнительной защиты от поступающего от Солнца повышенного уровня излучения, высились бесчисленные строения, связанные подземными и воздушными стеклянными коридорами.

– Давай теперь я поведу капсулу. Ты уже и так всю дорогу с Земли за штурвалом, – сказала Ира, по-дружески похлопав Софию по плечу.

– Да мне не сложно... Впрочем, я же знаю, что с тобой бесполезно спорить...

– Вот... Вот... Совершенно верно – проще согласиться!

– А дайте я попробую! Дайте мне! Дайте... – запищал, запрыгнувший на плечо к Ирине Ильго. Он действительно чуть было не добрался до панели управления, но молниеносная реакция Софии была быстрее, и она поймала его за туловище.

– Куда это ты собрался! Здесь в капсулах все под людские руки приспособлено, здесь лапами не совладать!

– Хотя мы, конечно же, ценим твое рвение и бесстрашие! – добавила Ира, чтобы не обидеть белого тигренка-робота. Совсем недавно ему установили новую доработку программы, уровень эмоциональной чувствительности в которой был значительно повышен. Как-то раз невольно отпущенная фраза Виктора привела к тому, что он почти два дня ни с кем не разговаривал.

– А вы думаете, что управлять нужно обязательно руками?! Вот у меня и рук то нет, одни лапы, да хвост, но я все равно смогу! Хотите, поведу капсулу! Хотите? – затараторил Ильго, все еще удерживаемый Софией. Мельтеша лапами по воздуху, он всеми силами старался добраться до приборной панели.

– А что у него и правда есть такая подпрограмма? – заинтересовалась София, поглядев на молчаливо улыбающуюся Ирину.

– Каких у него теперь только нет! Пару недель назад ему столько всего загрузили! Жуть! Сама уже не знаю, чего от него ждать!

– Точно! Я теперь столько всего умею! Закачаетесь!

– Ты сказал «закачаетесь»? – переспросила, удивленно смотрящая на робота-тигренок, София.

– Я еще и не такие теперь словечки знаю. Вы же любите при случае сказать что-нибудь эдакое. Вот и я теперь буду живым, настоящим, а не ходячим четвероногим ботаником, – начал хвастаться тигренка, переходя к новым словам. – Классно! Круто! Супер! Фигня...

– Так, так... Дальше не продолжай, мы уже поняли, на что ты способен, – засмеялась Ира. – Надеюсь, в твоей новой программе была секция, в которой говорится о том, что не все подобные слова можно использовать, когда тебе захочется.

– Ясное дело! Только в разговоре с близкими родственниками и хорошими знакомыми! – со знанием дела заявил Ильго. В его запрограммированном лексиконе подобные слова действительно были помечены особым битом памяти.

– Да, так-то лучше! А то, как вытащишь какое-нибудь словечко из твоего нового запаса, а нам с Ирой потом за тебя краснеть!

– Не вопрос! Договорились! Только при своих! – одобрительно закивал Ильго и, искусно пародируя жесты человека, подмигнул Софии правым глазом. Выскочив из ее рук, он коснулся лапой приборной панели в месте сенсорного контроля, и девушки услышали знакомый гул двигателей.

– Вот дает! И правда завел! – прошептала удивленная София.

– Конечно! У меня в лапах встроенные мультиинтерфейсные системы управления.

– Ладно! Ладно! Мы тебя поняли, о всемогущий Ильго, – заулыбалась Ирина, но все же посадила тигренка рядом и, взяв управление в свои руки, направилась к показавшейся вдали группе ярко-зеленых зданий.

– Эти малолитражки просто детские игрушечные машинки. И как можно управлять пони, когда привыкла к ретивым скакунам, – спустя минуту полета посетовала Ирина на скучное управление капсулой.

– Видела бы ты лицо моей мамы, когда она в первый раз села в подобную штуковину. Есть много вещей, в которых расходятся мои родители, но вот в чем они похожи так это в боязни всех этих летающих посудин, – сказала София. – Если бы не страсть отца к межзвездным перемещениям, он бы наверняка никогда бы не стал связываться с «Фотонами».

– Но ведь тогда бы он не обратился к нам, и мы никогда бы и не познакомились...

– Это верно. Я до сих пор удивляюсь, как нам удалось так сдружиться. С моими буднями в Институте у меня и на личную жизнь времени не было.

– Видишь, как мы с Витей оказались в нужное время в нужном месте, – блеснув искоркой в глазах, заметила Ира, вспоминая их первые встречи.

При мыслях о Викторе лицо Софии расцвело улыбкой довольства и радости. Однако вскоре милые сердцу воспоминания все же были оттеснены вспыхнувшими переживаниями.

– Вот скажи мне, зачем ему-то все это было нужно?

– Что именно? – бросив на подругу мимолетный взгляд, уточнила Ира.

– Просить генерала пустить его в эту опасную миссию на «Проксиму»? Мало было того, что отец решил лететь...

– Ты ведь знаешь этих мужчин. Мальчишки всегда остаются мальчишками... К тому же думаю, генерал обязательно отказал, если бы не его фамилия. Ведь как оказалось, мама и папа уже давно сотрудничали с ОДО. А я и не догадывалась, с какими людьми мы на самом деле работали.

– Только бы с отцом и ребятами все было хорошо... – сказала София и, увидев обозначение терминала для посадки «К12», дополнила: – Вон туда! Мама уже наверное, заждалась нас.

Внезапно на приборной панели зажегся зеленый огонек, и Ирина активировала режим видео-связи.

– София Фостер? – послышался голос пожилого человека с длинными седыми волосами.

– Да, я слушаю, – откликнулась София.

– Меня зовут Альберт Кант. Я помощник, доктора Дрейга. Я буду краток, к сожалению, у меня не очень хорошие новости по вашему случаю.

– Говорите же, за последнее время я уже как-то привыкла к плохим новостям.

– Мы получили результаты дополнительного исследования вашего ранения и, кажется, обнаружили причину медленного схождения тканей.

Теперь София уже не могла сдерживать беспокойство, губы ее самопроизвольно сжались и она обязательно бы сделала свой привычный глубокий вздох усталости, если бы не застрявший в горле комок.

– Вы меня слышите?

– Говорите же, доктор Кант. Не томите, – София поймала себя на мысли, что чрезмерно повысила голос.

– Состояние клеток показывает, что рана подвержена влиянию злокачественной опухоли, развивающейся из клеток эпителиальной ткани кожи и слизистой оболочки.

– Можно доступным языком доктор?

– Это черная карцинома.

– Как долго может продлиться лечение?

– Боюсь, вы не понимаете, развитие черной карциномы непредсказуемо. Его нельзя вылечить. Если организм не переборет его в течение нескольких недель...

– Можете не продолжать, доктор. Вы можете переслать мне детальный отчет на мой рабочий адрес?

– Да, конечно.

– Спасибо. Надеюсь, больше плохих новостей нет, доктор Кант.

– Это все.

– Хорошо...

– Мне очень жаль, – Альберт опустил глаза и трехмерное проекция его туловища медленно растворилась над приборной панелью.

– Ты уже столько раз летала к ним для выяснения причин, и только сейчас они смогли поставить диагноз! – с грустью констатировала Ирина.

– Да, и увы, не очень радостный. Это при том, что они лучшие врачи.

Притом, что человек, хотя и не без основания, считает себя венцом творения Создателя, почти ничего из того, что он изобрел, не было сделано с чистого листа, без подсказки окружающей его природы. Чем глубже люди проникают в уникальные изобретения растительного и животного мира, тем очевиднее становится для него необходимость их применения в собственной жизнедеятельности. В двадцать втором веке свершения человека стали поистине впечатляющими, однако ученые все равно не забывали о том, что природа, так или иначе, оставалась хитрее и мудрее человека.

Постройки на Венере были прекрасным воплощением разработок и предложений инженеров-биоников. Идея применения знаний о живой природе для решения технологических задач принадлежала еще перу Леонардо да Винчи, который пытался построить летательный аппарат с машущими, как у птиц, крыльями. Появление кибернетики несколько веков спустя, стало стимулом для более широкого изучения строения и функций живых систем с целью выяснения их общности с техническими системами, использования полученных сведений о живых организмах для создания новых приборов, механизмов и материалов. В начале шестидесятых годов XX века состоялся первый симпозиум по бионике, который юридически закрепил рождение новой науки. С тех пор инженеры-бионики сконцентрировались на целой серии задач по изучению нервной системы человека и животных, моделированию клеток и нейронных сетей для дальнейшего совершенствования вычислительной техники и разработки новых элементов и устройств автоматики и телемеханики. Важным направлением развития науки явилось архитектурное направление. Ученые анализировали принципы строения форм растений, чтобы подражать их природным особенностям. Строительно-конструкционная бионика открыла широкие горизонты решения различных перспективных задач с помощью «патентов», взятых у самой природы. Начался поиск новых, функционально оправданных форм, отличающихся красотой и гармонией. Был дан импульс созданию рациональных конструкций с одновременным использованием удивительных свойств строительного материала, подражая живой природе. Энергии Солнца, воздушных потоков и солнечного ветра стали применяться в промышленном масштабе.

Ярким примером достижений новой отрасли явилось использование принципов строения стеблей злаков в проектах высотных сооружений. Стебли растений способны выдерживать

большие нагрузки и при этом не ломаться под тяжестью соцветия. Если ветер пригибает их к земле, они быстро восстанавливают вертикальное положение. Объясняется это тем, что вдоль стенок стебля расположены овальные вертикальные пустоты. Детально изучив их внутреннее строение, инженеры-бионики успешно применили эти аналогии в строении высотных зданий, что значительно повысило устойчивость сооружений к геотермальным перепадам, которые, все еще наблюдались на Венере.

Эра зарождения архитектурной бионики началась в середине двадцатого века, когда международная группа архитекторов, активных приверженцев этого нового направления науки приступила к исследованию динамических структур и организовала «Общество поддержки инноваций в архитектуре». Организация под их руководством, в состав которой вошли архитекторы, инженеры, дизайнеры, биологи и психологи, разработала проект «Вертикального бионического города». В эпоху наблюдавшегося перенаселения Земли и последующего освоения Венеры группа архитекторов-биоников пошла еще дальше. На планете началось строительство городов-башен, рассчитанных на одновременное проживание более ста тысяч человек. В основу проекта был положен «принцип конструкции дерева». Башни-города имели форму кипарисов высотой более полукилометра и вмещали до трехсот этажей. Между кварталами закрепляли стяжки-перекрытия, которые играли роль несущей конструкции для каждого уровня. Основание гигантских домов-деревьев устанавливалось на свайном фундаменте по принципу корневых систем. Ветровые колебания верхних этажей при этом были сведены к минимуму: воздух легко проходил сквозь конструкцию башни, благодаря специальным отверстиям.

В архитектурно-строительном биокомплексе «Венера-36» большое внимание уделялось и новым фасадным технологиям. В области разработок эффективных и безотходных строительных приемов перспективным направлением явилось создание слоистых конструкций. Идея заимствована у глубоководных моллюсков. Их прочные ракушки состоят из чередующихся жестких и мягких пластинок. Когда жесткая пластинка трескалась, деформация поглощалась мягким слоем, и трещина не распространялась дальше.

Именно к одной из этих величественных построек знаменитого на всю Солнечную систему комплекса «Венера-36» и подлетали София и Ирина.

Просторное помещение на сто двадцатом этаже больше походило на большую гостиную, нежели на палату медицинского учреждения.

Только комната, где живет лишь одна женщина, может быть настолько опрятной и дышать подобным убранством. Каждая вещь в апартаменте Татьяны Фостер была на своем месте. Первое, что бросалось в глаза гостям, были невероятно высокий потолок и большие прямоугольные окна. Каждое почти в три человеческих роста, они озаряли комнату светло-желтым солнечным сиянием. По правую руку расположился треугольный письменный стол и четыре деревянных кресла с тюлевой обивкой, по левую руку – стояли платяные шкафы с полупрозрачными створками.

– София! Наконец-то! – с бьющей фонтаном радостью воскликнула обернувшаяся женщина.

Татьяна Фостер выглядела довольно молодо. Вьющиеся каштановые волосы были аккуратно собраны в пышную прическу, черные брови нависали над большими, очень выразительными глазами. Сосредоточенный взгляд которых выражал нескрываемое беспокойство и волнение, припудренный прямой нос и окрашенные в ярко-красную помаду губы дополнялись весьма редким для женщин волевым подбородком и узкими скулами. На небольших, прижатых к голове ушах, эффектно блестели сережки с родолитами.

София приблизилась и крепко обняла маму.

– Здравствуй! Как же я рада тебя видеть! Я так соскучилась! Познакомься, пожалуйста, это Ирина Берг. Моя хорошая подруга.

Очень приятно! – поздоровалась Ира и склонила голову в жесте вежливости и уважения.

– И мне тоже... – успела произнести Татьяна, как из-за спины вошедших в комнату девушек выпрыгнул Ильго и, сделав небольшое сальто, склонился в глубоком поклоне, прижав передние лапы к полу.

– Вот это да! – удивилась Татьяна, – просто акробат. Я даже и не думала, что они могут быть такими пластичными!

– Еще бы, я – Ильго! Робот-тигренок последнего поколения!

– Ой! Еще и разговаривает! – глаза мамы округлились от удивления, и она склонилась перед Ильго, чтобы рассмотреть его получше. Маленькие пушистые ушки настолько изумили ее, что она не смогла сдержаться, чтобы не погладить их. – Не кусается? – с игривой опаской уточнила Татьяна, приближая руку.

– Кусается? Мама, да он космическими круизерами управлять может! – засмеялась София.

– Ну, круизерами, наверное, не смогу, там у них всякие сложные системы телеметрии. Для моей серии пока таких программ нет. Но как выпустят... Вот это будет прикольно!

– Кхе! Кхе! – нарочно откашлялась София, глядя на Ильго. – Мы же вроде договорились, что словечки из твоего нового запаса ты будешь говорить только при близких родственниках и друзьях.

– Так ведь куда роднее, чем мама... – быстро ответил Ильго, смешно поджав черный носик.

Удивившись столь быстрому и, главное, более чем аргументированному ответу, София поняла, что в двух словах тигренку будет сложно объяснить ситуации, в которых можно, а в которых нельзя упоминать те или иные выражения. Ирина, боясь, как бы новый жаргон Ильго и вовсе не заставил их краснеть, поспешила отвлечь его.

– Приятно слышать, что ты наконец-то утрачиваешь образ вечной прислужницы науки и начинаешь обретать радости полноценной жизни. – Татьяна запнулась в задумчивости и продолжила с грустью. – Я бы тоже хотела, чтобы у меня было побольше друзей. Но здесь все такие зануды. Прямо как твой отец.

– Мама, ты ведь обещала мне, не трогать эту тему. Вы умудряетесь цепляться друг к другу даже на расстоянии в миллионы километров.

Татьяна сжала губы в выражении недовольства и посмотрела на Ирину, словно ища защиты, но мудрая девушка предпочла опасному участию в словесной дуэли, нейтралитет: – А мы вот, напротив, прибыли передать вам от него привет. У него сейчас не простые времена.

Если бы эти слова были произнесены Софией, Татьяна Фостер наверняка бы отнеслась к ним с недоверием, но милая улыбка Ирины окончательно разоружила ее, и она смягчилась: – Ну да, конечно, снова какое-то задание планетарного масштаба?

– Еще большего, мама. Пока эта операция засекречена, и мы дали слово не разглашать детали, но могу сказать, что на этот раз это вопрос масштаба всей Солнечной системы.

– Сколько раз я слышала эти слова. Меня только и кормили баснями. То о скором крушении Вселенной, то об инопланетянах, прилетавших к нам на планету, то о древних цивилизациях, которые покинули Солнечную систему, то о паранормальной активности световых субъядерных частиц, межзвездных перемещениях, фотонных контурах... Все это волновало его куда больше, чем собственная семья.

– Мама, хватит! Мы ведь договорились... – снова осекла ее София. У нее никогда не было желания вставать на сторону одного из родителей. По ее мнению, каждый из них сделал более чем достаточно для того, чтобы счастливый брак превратился в каждодневные недопонимания, в конце концов закончившиеся мучительными страданиями и разводом. Даже не будучи свидетельницей их ссор (она была еще слишком мала для рационального переосмысления происходившего), София вполне могла представить себе, как сильно было давление Татьяны на

мужа. Даже сейчас она не переставала упрекать бывшего супруга за безалаберность, за неумение быть достаточно опрятным, за отсутствие вкуса и, не в последнюю очередь, за апатию к любым домашним делам. Впрочем, выгораживать отца, сознание Софии тоже отказывалось. После того, как Татьяна была вынуждена отправиться на Венеру, отец приезжал к ней всего два раза. Конечно, он апеллировал к тому, что ему необходимо проводить исследования, конструировать инженерное творение всей своей жизни. Но чем были эти отговорки для нуждающейся во внимании и заботе женщины?

Поймав на себе осуждающий взгляд дочери, Татьяна замолчала и беззвучно опустила в стоящее позади нее мягкое кресло. Видя болезненную реакцию матери, София решила смягчиться и завершила рассказ словами, ради которых она и начала повествование:

– Мама, пойми же, наконец, отец добился своего. Установка, которой он бредил все эти годы действительно работает. Алексей уже сделал первое межзвездное перемещение через фотонный контур.

Татьяна тяжело вздохнула. Работа Александра над этим проектом была одной из главных причин их разрыва. Услышав эти новости, даже ей самой было сложно понять, какие именно чувства главенствовали над ее разумом и сердцем. С одной стороны – ощущения уязвленного самолюбия, с другой – радость за человека, который, как бы она не пыталась отрицать, был все же не безразличен ей. Тем временем София продолжала рассказ и дошла в повествовании до операции «Проксима». Не удержавшись, она все же раскрыла тайну.

– Завтра отец, Алексей и брат Ирины, Виктор в составе военной группы начинают опасное перемещение в другую звездную систему...

Слова дочери пронзили сознание Татьяны, и от всплеска волнения она, сомкнув веки, схватилась правой ладонью за лоб.

– Ты хочешь сказать, что они летят за несколько световых лет от Земли, и это к тому же, еще может оказаться билетом в один конец?

– Не совсем так. Вернуться они смогут в один из трех оговоренных заранее временных интервалов.

«Я должна обязательно поговорить с ним...» – подумала Татьяна, но высказать мысль вслух при дочери она все же не решилась.

Внезапно она обратила внимание на проступившую сквозь блузку Софии красую полосу.

– Что у тебя с правым плечом? – обеспокоено заговорила она.

– Пустяки, – София машинально скользнула левой ладонью к ране, но прижав ее, след на одежде стал лишь только еще более заметным. – Вчера оцарапалась, когда убиралась в комнате.

Время летело незаметно, и они проговорили бы еще несколько часов, если бы не вырвавшийся из недр стоявшего на столе трехмерного проектора, свет. Автоматически включившийся при поступающем вызове, он отобразил голограмму помощника главного врача, напоминавшего о том, что всем пациентам было необходимо спуститься на пятый этаж для прохождения еженедельных диагностических процедур.

Пришло время прощаться, и, выразив большое удовольствие от знакомства с Ириной, Татьяна подошла поближе к дочери. София вдруг ощутила невероятную душевную боль, совсем не похожую на ту, которую она испытывала при всех предыдущих расставаниях. Руки ее задрожали, дыхание участилось, мысль о том, что она может никогда больше не увидеть ее, разверзлась подобно молнии на ясном весеннем небе. Смотря на нее, она чуть не пустила слезу, однако сдержалась и не стала говорить о своих переживаниях. И все же, еще ни одному ребенку не удавалось уйти от пронзающего насквозь взгляда матери.

– Что такое, София? Почему ты побледнела? – насторожилась Татьяна.

– Нет, что ты, все хорошо. Просто в последнее время меня, как и отца, начинают преследовать какие-то странные видения.

– Ты слишком много работаешь. Сделай передышку. Вот прилетела ко мне. Слетайте еще и на ВЕ68. Тут недалеко. Говорят, его недавно существенно модернизировали, увеличили в размерах и установили невероятные аттракционы. Недавно такой потрясающий репортаж оттуда передавали. Глаз оторвать не могла. До чего дошел прогресс.

– Что это еще за ВЕ68? – заинтересовалась Ирина. – Никогда не слышала о таком.

– Спутник Венеры, недавно коллега показывал мне отчет. Институт и там потрудились на славу, – ответила вместо мамы, София.

– Спутник Венеры? Никогда у Венеры не было спутников! – глаза Ирины еще более округлились. Удивление едва не сковало ее уста.

– Ай, как ты отстала от жизни! Пойдем, по дороге тебе все расскажу.

– Приятно было познакомиться, Ирочка, – произнесла Татьяна, – обязательно бы полетела с вами, если бы мне разрешали покидать лечебные купола. До скорых встреч, Ильго!

– Знакомство с вами было для меня невероятной честью, – реабилитировал себя Ильго, откопав в словаре запасы вежливых прощаний трехвековой давности. Прозвучала эта фраза немного фальшиво, но Татьяна Фостер была настолько очарована говорящим тигренком, что из всего прощания ей запомнилась лишь лстившая ей невероятная галантность.

София обняла маму, и с обещаниями звонить ей почаще, девушки покинули покои.

Прозрачные двери, открывающие вход на открытую парковку летательных капсул, беззвучно распахнулись и, посмотрев на небо, София указала рукой на крошечную серую точку, словно приклеенную к небосводу. Удивлению Ирины не было предела, и подруга не стала томить ее ожиданиями.

– Когда начальник нашего венерианского департамента впервые показал мне проект, я и сама обомлела. У Венеры действительно есть так называемый квазиспутник. По сути это обычный астероид под названием 2002ВЕ68, находящийся с Венерой в орбитальном резонансе. Вычисление траектории его движения в прошлом показало, что текущую орбиту он занял более семи тысяч лет назад и еще, как минимум пять веков, будет находиться рядом с Венерой. На момент, когда Институт начал интересоваться «Шестьдесят восьмым», он был непригоден для какого-либо развития. Исследовательские миссии показали, что из него выйдет разве что развлекательная база. На одном из ученых советов директор Лост как раз обмолвился о том, что Институт не должен ограничиваться только наукой, ему не хотелось, чтобы о нас думали как о кабинетных крысах. Наши ребята нарастили его территорию, и сейчас туда возят туристов. Говорят, что через двадцать-тридцать лет он станет самым известным местом развлечения. Представляешь! Побывать на астероиде с искусственной атмосферой, гордо именуемым спутником Венеры!

– Так давай слетаем, – Ира загорелась желанием, но София в тот же момент остудила ее пыл.

– Только после того, как проводим и дождемся возвращения ребят, ведь завтра начало их опасной миссии, а туда нужно лететь на целый день. Возьмем их с собой, будет весело. По возвращению в Институт выпишу нам билеты на ВЕ68.

– Да, конечно, ты права. Так и сделаем, – согласилась Ирина.

Обратная дорога всегда кажется более короткой. Через несколько минут капсула остановилась у ожидавшего их звездолета, и они устроились в креслах пилотов. Ирина проверила бортовые системы и запустила двигатели.

– Уф, слава богу у нас двигатели на управляемой атомной реакции, а то бы летели сейчас до земли на старых твердотопливных несколько месяцев, – сказала Ирина и в тот же миг почувствовала на себе необычный взгляд Софии. Что-то заставило ее обратить особое внимание на слова о боге.

– Почему ты думаешь, что за это мы должны благодарить бога? – послышался ответ Софии, и этот разговор в очередной раз заставил ее задуматься над тем, почему в век полного

отрицания теологических доктрин люди по-прежнему произносят эту фразу. Будучи ребенком долгими вечерами она действительно думала о боге. Бесполезно отрицать очевидный факт – взрослея, каждый из нас задается бесчисленными вопросами, главными из которых, со временем, становятся темы о природе и смысле бытия. «Зачем мы появляемся на свет?», «Кто создал весь этот мир, где я живу?», «Что было до того, как он был создан?», «Какова его будущая судьба?». София с самого детства была непримирима в своих суждениях о невозможности существования высшего разума. Да и могло ли быть иначе? Ведь она не только с малых лет воспитывалась в условиях жесткой доктрины научной картины мира, но и всю дальнейшую жизнь посвятила служению идеалам научно-технического прогресса. Признать наличие бога для нее означало бы предать забвению все то, что казалось ей столь незыблемым. И все же, ища ответы на эти сложные вопросы, она в тайне от всех приходила к мысли о том, что все, что она видит вокруг, не могло образоваться и развиваться в полном хаосе, ведь все связанное с преобразованием материи и энергии, так или иначе, подчиняется определенным правилам. Но если так, обязательно должен быть тот, кто установил первоначальные закономерности.

– Знаешь, однажды мне приснился сон, – Ирина намеренно уклонилась от прямого вопроса, заданного Софией, – Мне представилось, что все, что происходит с живыми существами во Вселенной, является всего лишь экспериментом. Одним из тех, которые ставят ученые, чтобы ответить на вечный вопрос «А что будет, если?». Не из-за желания ли постоянно искать ответ на этот вопрос мы достигли такого прогресса? Мне кажется, именно он заставляет нас двигаться вперед и познавать что-то новое.

– Ты права, – согласилась София, – но какое это имеет отношение к богу?

– Так вот в моем сне, не люди, а именно бог, задавался этим вопросом. Даже у высшего разума есть необходимость ставить опыты, даже ему нужно совершенствоваться. Создав все, что мы видим вокруг себя, он дал возможность созданному миру до определенного момента развиваться самостоятельно.

– Какой невероятный полет воображения, Ира – улыбнулась София, испытывая те чувства, которые обычно ощущают взрослые люди, слушая рассказы, рожденные детскими фантазиями. – Твои сны чем-то напоминают мне сны отца. Только в его снах, все более мрачно.

– Расскажи мне! – глаза Иры загорелись желанием услышать что-то близкое к тому, что она ощущала сама, и София, хотя и считала все это не более чем забавными несурезицами, решила скоротать время обратного полета в беседе, которая, как оказалась, была для ее подруги крайне интересной.

– Отец считает, что в снах он видит будущее. Какие-то сны касались Леша и Вити, какие-то его самого, некоторые, как он утверждает, были и обо мне. Леша был первым, кому он рассказал об этом, и с тех пор он загорелся мыслью помогать ему. Посмотри, что получилось в результате. Поговорив с Витей – он и его заразил этой идеей. Они поверили ему, как мальчишки.

– Может он видел сны и про меня?

София внезапно замолчала и, сделав вид, что не расслышала вопроса Иры, попыталась перевести разговор на смежную тему, но подруга переспросила еще раз и София поняла, что уйти от вопроса ей все же не удастся.

– Сны, касающиеся нас с тобой, пожалуй, самые страшные кошмары. Иногда мне кажется, что отец сходит с ума. По его мнению, одна из нас и будет той, кто спасет Вселенную.

Жизнерадостная, в чем-то даже отдающая детской непосредственностью улыбка Ирины медленно сползла с ее лица, и она настороженно посмотрела на Софию. Легкая беседа на глазах превратилась в серьезную дискуссию, которая совсем не казалась отвлеченной и касалась тех материй, о которых уже нельзя было говорить с улыбкой на устах.

– До недавнего времени я не придавала его снам никакого значения. Если бы они...

– Не начали сбываться... – продолжила Ира. – Его роль в этих снах – роль создателя того, что позволит реализовать все эти перемещения, верно?

– Именно. Все это казалось полнейшим бредом, до тех пор, пока он не осуществил первое перемещение. Теперь расстояние – это всего лишь вопрос необходимого количества энергии. Если то, что говорит Алексей про запасы элемента-112 на Арисе правда...

София загадочно посмотрела на Ирину и в привычной манере оставляя за собой последние слова в беседах, дополнила:

– Как бы там ни было. В любом случае, бог здесь совершенно ни при чем. Он не существует! – подытожила София, всем своим видом показывая свое нежелание слепо уверовать в предложенные подругой теологические аргументы.

Подлетая к Земле, Ирина все чаще бросала взгляд на радар, и София не могла не заметить этого.

– Какой-то странный звездолет висит у нас на хвосте уже несколько минут.

София вывела на экран второго пилота данные сканеров пространства и попыталась получить данные о типе летельного аппарата.

– Бесполезно, я это уже делала. Никакой информации. Идентификаторы молчали. Как будто тоже самопальный аппарат, как мой «Беркут».

– Это плохо. Скорее всего, ничего хорошего ждать от него не стоит.

Не успела Ирина произнести эти слова, как приборная панель озарилась ярко-красными огнями, а кабина пилотов наполнилась шумом сирены.

– Ракеты! – закричала Ирина и, сделав мощный крен, попыталась уклониться от столкновения. Один из снарядов проскрежетал по днищу, но, не детонировав, пролетел дальше.

– Разворачивайся и дадим отпор! – быстро ответила София. – Это уже вынужденная самооборона.

– Ты что забыла? Это не «Фотон», а всего лишь мой «Беркут». На нем нет вооружения.

– Вот черт! – сорвалось с языка у Софии.

– Ты ведь не веришь в бога и черта! – на лице Ирины проявилась скользкая улыбка, но через секунду она снова облачилась в маску серьезности. – Держись, будем уворачиваться. Дотянуть хотя бы еще пару тысяч километров.

– Витя! Ты меня слышишь? – попыталась связаться с братом Ирина. – Нас атакует неидентифицированный объект. Помогите! Ты ведь был дома! Поднимай «Фотон».

– Ваши координаты? – ответил беспокойный голос Виктора в динамиках.

– Мы вышли из плотных слоев со стороны Венеры. Только что передала тебе данные телеметрии. Скорее! Торопись!

Виктор, что было сил, бросился к приборной панели, запустил двигатели и «Фотон» с рычанием оскалившейся собаки резко взметнулся в небо.

Время играло против Ирины и Софии. Как бы они не наращивали скорость, черный звездолет не только не отставал, но нападал все агрессивнее. Несколько выстрелов ионной пушки пришлись прямо в правое крыло, и, загоревшись, «Беркут» начал стремительно снижаться и терять мощность.

– Ира! Нужно катапультироваться! – закричала София и подруга в тот же момент дернула руку в сторону заветной спасительной кнопки, однако та предательски молчала, а бортовой компьютер в тот же момент выдал сообщение об ошибке механизма.

– Я хотела переделать блок аварийного управления, но все руки не доходили, так и оставила его...

– В правом крыле, – продолжила София, смотря на его пылающий правый борт «Беркута».

Видя крушение летательного аппарата противника и, по всей видимости, заметив на сверхчувствительном радаре, молниеносно приближающийся «Фотон» Виктора, черный звез-

долет прекратил преследование и, разворачиваясь, выпустил самонаводящуюся ракету. Обхитрить это столь интеллектуальное, сколько и смертоносное оружие было невозможно. Все что оставалось Ирине, это направить последнюю энергию «Беркута» на защитное поле. Мерцающая голубым сиянием оболочка активировалась всего на треть мощности, и этого с трудом хватило, чтобы снаряд не расколол «Беркут» на части. Сильнейший взрыв сотряс кабину пилотов, Ирина ударилась о приборную панель и потеряла сознание, окончательно обессточенный звездолет начал падать в Атлантический океан. Ударившись о водяную поверхность, корпус корабля стремительно погружался в пучину. Нажав на кнопку радиомаяка, София бросилась помогать Ирине освободиться от ремней безопасности. Тем временем звездолет тонул все глубже, оставляя все меньше шансов на то, чтобы покинуть корабль и успеть всплыть на поверхность.

София несколько раз дернула за рычаги запуска двигателей звездолета, но машина предательски молчала, с каждым метром погружения оставляя все меньше шансов на спасение.

– Витя! Где же ты? Помоги! Наши двигатели вышли из строя! Мы тонем! – прокричала София в рацию. Тонкие струйки крови прокатились по веску лежавшей без сознания Ирины и к Софии подобралось уже почти забытое ее душой чувство паники и безудержного отчаяния.

– Критическая ошибка двигателей! Запас воздуха – двенадцать минут тридцать секунд, – голос бортовой системы звездолета не прибавил ни капли надежды, как вдруг, София увидела в центральный иллюминатор яркую желтую вспышку света. Затем такие же огни засверкали и во всех остальных отсеках корабля, где имелись смотровые окна. Вскоре ярко-желтый свет, разлившись по всему «Беркуту», также стремительно исчез, а приборная панель управления корабля снова зажглась привычными цветами. София бросилась к рычагам двигательной тяги, и невероятным образом ожившие тыловые двигатели стали поднимать звездолет из океанических глубин. Оказавшись на поверхности, «Беркут» тут же был подхвачен специальными гарпунами «Фотона», и, дав двигателям форсированную тягу, Виктор ввел курс на поместье Бергов.

– Что это было? – прокричал по рации Виктор. – Как же вы смогли выбраться? Как же запустили двигатели?

– Желтый свет... Яркий желтый свет... – прерывисто дыша, не переставала повторять София. Вытирая льющийся по лбу пот, она бросилась помогать застонавшей от боли Ире.

/Солнечная система. Планета Земля. База ОДО/

– Входи, Верн! Присаживайся, – поприветствовал генерал Майерс вошедшего лейтенанта. Генерал явно был чем-то опечален, хотя и старался скрыть это. – Твои результаты настолько поразили всех офицеров, что я решил лично познакомиться с тобой.

– Для меня это большая честь!

– Опустим формальности, здесь мы все одна команда, с одной целью и единой миссией. Здесь мы все братья. Признаюсь честно, когда мне предложили выдвинуть на выполнение ответственного задания только что окончившего секретную академию новобранца, я не принял это всерьез. Но теперь понимаю, что это идея заслуживает рассмотрения. Лишь один вопрос занимает мои мысли. Откуда у такого обычного юнца, из совсем непримечательной семьи, без специального образования, такие таланты? Твой отец умер, когда тебе было всего три, мать, воспитывала тебя одна. И вдруг у тебя появляются невероятные сначала академические, а потом и боевые способности.

– Возможно все дело в неумной тяге доказать то, что я лучший? – в горделивой манере ответил Верн.

– Может и так. Но в ОДО уже давно не верят в случайности. Лично я убежден, что все решают гены. Я обязан быть честен с тобой. Все курсанты поступающие в Секретную Академию проходят ДНК-тестирование. В нашей организации должны работать люди только с исключительной репутацией, в том числе генетической. Проверка ведется до двенадцатого поколения.

– Я не совсем понимаю, к чему вы клоните, генерал, – проговорил Верн. Его взгляд принял настороженное выражение, и он с нетерпением ждал того, когда Майерс наконец-то раскроет ему карты.

– Андрей Олдрин – не был твоим настоящим отцом! – опустив правую ладонь на стол и смотря собеседнику прямо в глаза, проговорил Майерс. – Однако он был хорошим другом моего предшественника на посту директора ОДО. Я вскрыл необходимые архивы. Думаю, подобная информация удивит тебя не меньше моего.

Дыхание Верна участилось, глаза, совсем не свойственном ему волнующемуся ритме забегали по сторонам. После стольких лет, он только сейчас узнает правду. Но эта правда рождала еще больше вопросов, на которые его сознание требовало незамедлительных ответов. «Кто же был моим отцом?», «Возможно, он еще жив?» и самый главный, который никак не хотел выходить у него из головы «Почему мама не сказала мне об этом, и теперь я узнаю такие детали от постороннего?».

– Единственным человеком, который мог бы раскрыть информацию о твоём биологическом отце, является твоя мать, но она хранит молчание, и, не будучи под следствием или судебной проверкой, даже я не имею права заставить ее заговорить. Я лишь могу констатировать тот факт, что данные твоей ДНК-пробы и слепок ДНК Андрея Олдрина не имеют между собой ничего общего.

– И поэтому вы запретите мне участвовать в проекте? – с грустью в голосе прошептал Верн. – Не дадите мне возможность проявить себя?

Генерал ждал этого вопроса, и поэтому ответ полился у него из уст без лишних промедлений.

– Мой путь в ОДО тоже не был легким, сынок. Отучившись десять лет в Академии, я был отчислен, несмотря на то, что я был лучшим на курсе. Знаешь, в чем была причина? Брат моего отца был привлечен к суду за хранение психотропных веществ. Казалось бы такой дальний родственник... Но нет, генетическая картотека была непреклонна. Суд тянулся несколько лет. И, в конце концов, открылись новые улики, которые позволили оправдать его. Я был вос-

становлен и продолжил службу в ОДО. Но те два года отлучения так и остались для меня жутким напоминанием о том, как жестока система, основанная всего лишь на брошенной тени косвенного обвинения. Я разрешаю тебе участие в операции, но счел нужным сказать тебе о том, что узнал из твоего досье. Я бы на твоём месте обязательно разыскал твоего отца.

– Спасибо, генерал Майерс, я так и сделаю, – закивал головой Верн, проявив учтивость.

– И готовься к участию в операции. Это будет настоящая проверка твоих способностей.

Команда нуждается в твоих способностях. Не подведи нас

– Я не подведу ОДО, генерал. Вы можете положиться на меня, – с непритворной уверенностью в голосе ответил Верн, отдав честь и звонко стукнув каблуками.

Тем временем в спортивно-боевых дивизионах базы ОДО кипели тренировки. Капитан Вольт инструктировал курсантов приемам использования недавно разработанного в лабораториях вооружения. Новая серия автоматических винтовок AUX A30312 теперь получила возможность стрелять разрывными ионными пульсарами. Это было последнее достижение ученых-конструкторов департамента, и генерал Майерс возлагал на это оружие особые надежды. Пробы химического состава, оставшегося от убитого актиномицета вещества, вселили надежду, что этим оружием можно будет уничтожать предполагаемого неприятеля.

– Мне поручено возглавить важную операцию, и дальше занятия по вашей подготовке будет проводить капитан Нильсон. Сегодня я последний день руковожу учениями. Не ударьте в грязь лицом и покажите на что способны! Вперед! – скомандовал Вольт и, махнув рукой, приказал приступить к тренировкам.

Дюжина солдат начала проходить в специально разработанное стендовое сооружение. Внутри него было очень холодно и сыро. Вначале ничто не предвещало опасности, но уже спустя несколько минут, стоило только группе продвинуться вглубь строения, то в одном, то в другом углу помещений стали появляться воссозданные в полный рост макеты актиномицетов. Хотя макетами назвать их можно было лишь с большой натяжкой. Военным биотехнологам удалось сконструировать максимально приближенную копию того опасного существа. Однако, вырастив их тела из образцов синтезированной материи, им так и не удалось интегрировать в них искусственный интеллект. Цепочки ДНК-кода пришельца все еще не позволяли воспроизвести новый организм, способный функционировать как полноценное живое существо. Каким образом актиномицету, напавшему на базу, удалось обрести способность мыслить и принимать рациональные решения до сих пор оставалось загадкой даже для ученых ОДО. В связи с этим конструкторы приняли компромиссное решение. За базу манекенов были взяты интеллектуальные био-роботы, покрытые специальной, имитировавшей покров актиномицета оболочкой.

Короткостриженный сержант уперся прикладом в плечо и сделал несколько прицельных выстрелов. Темно-зеленые сгустки вещества вырвались из широкого дула автоматической винтовки и в тот же миг раскрошили появившийся манекен актиномицета в клочки студенистой массы. Шурша облегченными бронежилетами, одетыми поверх плотного брезентового костюма, группа продвигалась дальше.

– Усложнить задание до уровня шесть! – скомандовал Вольт в центр управления подготовкой.

Спустя минуту тренировки, в здании потушили свет, и курсантам пришлось ориентироваться лишь по датчикам движения и подствольным фонарям.

Мишени стали вспыхивать перед ними все чаще, и солдаты проявляли чудеса изворотливости и скорострельности. Быстро читая команды в движениях рук своего командира, офицеры резко поднимались из-за развалин и обломков, делая точные выстрелы по целям.

– Неплохо! Я вижу, они хороши в сражении с зеленой кучей мармелада! На сегодня достаточно! – передал по рации Вольт.

– Если бы ты знал, во сколько обошлись ОДО эти мармеладные кучки, ты бы пришел в ужас, – ответил генерал Майерс, следивший за первыми испытаниями нового учебного полигона.

– Даже знать не хочу. Наверное, каждый, как моя пенсия.

– Больше! – улыбнулся генерал в камеру.

– Посмотрел бы я на лица этих храбрецов, если бы они встретили хоть одного настоящего актиномицета.

Спустя пару часов генерал Майерс и Алексей уже ждали капитана Вольта в совещательном зале.

– Итак, капитан. Принимай команду. Алексея ты уже знаешь, – генерал по-военному скупно улыбнулся и проскользнув взглядом по группе. – Также с вами четверо одобренных тобой офицеров – Ник, Джейсон, Джим и Мэл, а Виктор Берг вызвался быть главным пилотом.

– Но, генерал, мы, кажется, условились...

– Никаких новых людей в ОДО и нет. Берги и так сотрудничали с нами многие годы. Просто сейчас пришло время раскрывать все карты. Таких пилотов нужно еще поискать. Также в команде выпускник группы стрелков, показавший лучшие результаты департамента в ходе последних проверок на новом стенде, Верн Олдрин.

Командор Вольт недовольно фыркнул, но, посмотрев на уверенного в себе новобранца, смягчился. Однако самое большое удивление постигло Алексея. Верн оказался тем самым тайным «Ренегатом», с которым он встретился в финальном поединке по кендо. Верн тоже поймал на себе его взгляд, но сохранял невозмутимое выражение лица.

– Кроме того... – продолжал генерал, – профессор Фостер лично решил лететь с вами. Сколько я не отговаривал его, сколько не просил обдумать все еще раз, он непреклонен.

Майерс посмотрел на входящего в зал ученого. Впрочем, Александр уже вовсе и не был похож на типичного представителя научной среды. Вжившись в новый помолодевший облик и облачившись в темно-зеленую амуницию, он уверенными шагами приближался к отряду.

– Вот теперь все в сборе, – подытожил генерал. Чтобы сработаться в команде, нужно провести еще хотя бы три тренировки на новом полигоне. Это будет стоить кучу денег, но я считаю это крайне необходимым. Возможно, вам предстоит самая тяжелая и опасная миссия в истории космических полетов. Постараюсь выбить под проект «Проксима» еще немного средств из этих шишек в Совете Безопасности.

– Спасибо, – капитан Вольт поблагодарил генерала глубоким кивком головы. – В таких вопросах спешка совершенно не нужна. Рад, что вы это осознали.

– Только вот, чувствую, что мой кредит доверия в верхах утекает с каждым солнечным кредитом. Уж больно дорого обходятся все эти эксперименты. Я назначаю операцию «Проксима» на двадцать четвертое число, у вас три дня, чтобы сплотиться и стать одним целым. Вильям – командующий операцией. Первый пилот – Виктор. Второй – Алексей. Ник, Джим, Джейсон, Мэл и Верн – основное боевое подразделение, профессор Фостер – ответственный за научную поддержку.

Среда, четверг и пятница прошли в интенсивных тренировках. Алексей, Виктор и Александр должны были научиться в совершенстве владеть всеми видами вооружения, которое планировалось задействовать в операции «Проксима». И если для молодых людей знакомство с оружием не составило никакого труда, то для профессора это оказалось весьма непростой задачей. Его то уносило отдачей, то ударяло остатками высвободившихся разрядов. Однако и он, в конце концов, все же смог совладать со смертоносными приспособлениями. Операция обещала быть опасной, и каждый член команды должен был быть готов поддержать своего товарища в трудную минуту.

Самым сложным испытанием для новичков в военном деле стало управление тяжелыми боевыми роботами ОДО. «Рапторы», как их вскоре стали называть офицеры, представляли

собой гигантские двуногие бронированные машины, в головной части которых, в специальной кабине помещался человек. Перемещать многотонных железных монстров оказалось не такой уж и простой задачей. Заставлять их шагать нужно было большими джойстиком, а одновременно с этим еще и успевать контролировать встроенные системы вооружения.

Впрочем, Виктору управление огромным железным «Раптором» давалось без особого труда. Он уже много раз видел чертежи прототипов двуногих боевых роботов и, быстро забравшись в кабину с синим квадратом, тут же показал чудеса маневренности и легкости обращения.

– Значит так. У каждого из нас будет свой робот. Чтобы отличать их друг от друга – обращайтесь внимание на цвет квадратов рядом с кабиной. Этот же цвет будет использоваться на датчиках движения. И вот еще ... Давайте пока без ионных пульсаров, – обратился к группе капитан Вольт, – Я их отключаю! А то вы тут нам сейчас всю базу разнесете. Так просто попробуйте движения, прочувствуйте моторику, поспаррингуйтесь...

Капитан зашагал к командному пункту, где отдал несколько приказов. «Рапторы» тем временем зашагали вперед, издавая низкий гул. В умелых руках огромные железные исполины были на удивление маневренны, и тот, кто имел хотя бы начальные навыки обращения с современными роботами, быстро постигал азы управления. Особенно ловко это удавалось Верну. Его машина задвигалась с необычной легкостью, даже копируя приемы людей в рукопашной битве.

– Эй, Виктор! Уже освоился? Может спарринг? – прозвучал в эфире голос Верна. Развернув железную машину, Виктор увидел курсанта, справлявшегося с «Раптором» ничуть не хуже него. На его кабине поблескивал ярко-красный квадрат. – Жаждешь приобрести побольше веса и уважения в департаменте? – без тени коварства произнес Виктор.

– Ты тоже вообще-то не сторожил! – хлестко ответил Верн, зная, что эта фраза не могла не задеть его потенциального соперника.

Виктор хотел собрать мысли для отвлеченно-спокойного ответа, однако кровь в его жилах взвырвалась, и он решил, что лучше проучить задиру на понятном ему языке, и, не вымолвив ни слова, перевел «Раптора» в боевую позицию. Верн без дополнительных разъяснений понял, что его ставка принята. Еще некоторое время они ходили друг против друга по кругу. Вскоре Верн сделал первый выпад, пытаясь выполнить подсечку, но Виктор был уже начеку и, вовремя подпрыгнув, нанес удар в предплечье. «Раптор» Верна тряхнуло, но кабина управления осталась неповрежденной, что еще более раззадорило его. Запустив гипердвигатели на спине, красный «Раптор» сделал длинный прыжок и, всего за секунду оказавшись за машиной Виктора, сбил его с ног. Тяжелый робот повалился на землю, но Виктор продемонстрировал чудеса изворотливости и тут же, перекувырнувшись назад, поставил робота на ноги.

– Вот бы мне сейчас вооружение! Позабавились! – с ехидной улыбкой послышался голос Верна.

– Из ионных пушек палить каждый может. Ты попробуй без всех этих разрывных гранатометов показать превосходство! – ответил Виктор, наблюдая как меняется в лице его амбициозный соперник по спаррингу. Хотя игриво отпущенная фраза и не оскорбила Верна, она все же явно не пришлась ему по душе. Чтобы быть зачисленным в группу «Проксима» он должен был стать не только лучшим из лучших, а вдвое опережать в результатах сокурсников. Сама мысль о том, что кто-то может быть в чем-то лучше него, претила его сознанию.

Схватка продолжалась. Удары роботов становились все более быстрыми, движения все больше походили на акробатические, чего с первого взгляда на эти машины, едва ли можно было ожидать. Стоявшие неподалеку полуразваленные бетонные конструкции и остатки каркасов трейлеров и звездолетов стали ареной ожесточенного сражения. Роботы падали на землю, снова взмывали ввысь на гипердвигателях, делая невероятные сальто в воздухе. Одна из подсечек Верна все же удалась, и он смог прижать робота Виктора к земле. Удар правой рукой по кабине едва не достиг цели – титановые балки, фиксировавшие управлявшего роботом чело-

века, погнулись, поддавшись тяжести ударов. Казалось, что синий робот должен был бы капитулировать, но его хозяин, тоже не привыкший проигрывать, собрал последние силы и ответным ударом полутонной железной ноги сбросил с себя «Раптора» Верна. Удар пришелся как раз в гипердвигатель, и в очередном прыжке красный робот потерял стабильность в воздухе. Но даже с диким грохотом обрушившись на землю, Верн продолжал сопротивляться. Уклонившись от хука слева, он ухватился за железную руку противника и уже был готов нанести сокрушительный удар по кабине управления, балки которого не выдержали бы второго столь сильного удара, как неожиданно «Рапторы» Алексея и Вильяма резкими рывками разорвали схватку и встали между ними.

– Еще одна такая выходка, и я доложу о ваших никчемных шалостях генералу! – прозвучал громкий голос Вольта в рациях. Еще несколько секунд Верн был готов продолжать бой и в какой-то момент даже подумал оттолкнуть робота капитана, но, в конце концов, одышка сменилась ровным дыханием, кончики губ образовали невинную детскую улыбку, и он ответил:

– Капитан! Это всего лишь проверка боевых возможностей роботов. Вы же сами сказали спарринговаться. Теперь мы знаем, на что они реально способны. Одно дело картинки и чертежи, и другое дело реальный бой, – с долей ехидства заметил Верн и, зашагав в сторону синего робота, по-дружески положил железную руку на плечо бывшего соперника.

Капитан быстро оглядел искореженных Рапторов и приказал немедленно отвести роботов для произведения восстановительного ремонта.

– Ты вечно, как заведешься, Витя. Потом тебя не остановишь! – покачал головой Алексей. – Когда-нибудь тебе это выйдет боком.

– Задир надо ставить на место! – невольно наморщив брови и сжав губы, пробурчал Виктор, желая оставить последнюю фразу в разговоре за собой.

Спустя несколько часов отряду было приказано собраться в совещательной комнате для получения дополнительного инструктажа. Слово взял генерал Майерс:

– Итак, теперь к точке перемещения. Для тех, кто еще не знает. Кроме, планеты Арис, космический телескоп X10 обнаружил еще три потенциально обитаемые планеты. Чтобы исключить максимальное количество потенциальных угроз, генеральный штаб ОДО принял решение отправить миссию на первую из них. Пока планетам даны временные названия по степени отдаленности от Проксимы ПЗ, П2, П1. П0 – как не сложно догадаться, и есть Арис. Право назвать планеты предоставляется вашей команде по возвращению из этого ответственного полета. Так как полет к П0, осуществленный Алексеем, оказался слишком опасным, для вашей операции выбрана планета П1. Есть и не очень хорошие новости. Совет Безопасности запретил использование в операции «Полярисов», считая, что достаточно отправить пока только один корабль. Тем самым они дают понять, что ваша миссия должна носить исследовательский, а никак не военный характер.

– Неужели отправимся на нашем стареньком «Фотоне-1»? – подняв руку, уточнил Виктор.

– По многим тестам маневрирования «Полярисы Б-12» по-прежнему уступают «Фотонам», – не мешкая, ответил генерал.

Виктор лишь безмолвно улыбнулся в ответ, как улыбается человек знающий правду и не имеющий желания ее полностью раскрывать.

– Еще вопросы?

– Исследовательская миссия... – протянул Мэл. – Что же это получается? Летим черт знает куда и нам не дадут взять с собой оружие?

– Нет. Оружия у вас будет достаточно. Но согласно секретной резолюции Совбеза принять вы его должны только в самых крайних случаях. Еще вопрос? – Майерс проскользнул взглядом по всем присутствующим в зале. – Нет? Отлично! Тогда пара слов от профессора Фостера о том, как обеспечить возвращение. Прошу вас!

Александр подошел к закрепленной на стене черной доске и, ловко управляясь с большим лазерным карандашом, приступил к изложению.

– Позволю себе сказать еще пару слов о нашей соседней звездной системе и о терминологии. Так случилось, что Проксимой мы называем и звездную систему целиком, и саму звезду в частности. Так что отправление на Проксиму, конечно же не означает полет к звезде. Это было бы также опасно, как и любые полеты к нашему Солнцу. Нашей миссией является изучение, не самой звезды, а вращающихся вокруг нее планет, так как именно там возможно зарождение и существование жизни. Нужно учитывать, что Проксима является красным карликом, то есть она не излучает свет постоянно, как наше Солнце, а делает это в определенных интервалах именуемыми вспышками. Долгое время считалось, что жизнь на планетах вокруг красных карликов невозможна, однако полет Алексея доказал обратное. Мы знаем, что по крайней мере на одной планете в этой звездной системе есть жизнь. Так как наше перемещение подразумевает более длительное пребывание на Проксиме, чем все предыдущие попытки, фотонный контур будет запрограммирован на три более долгих временных интервала. Первое открытие межзвездного тоннеля после нашего перемещения состоится ровно через один день. Второй через три дня и третий через неделю. В случае если мы не вернемся и после этого, проинструктированные мной инженеры смогут активировать еще два открытия в ручном режиме. Дальше следует точка невозвращения.

– Что, кстати, вполне вероятно... – послышался голос стоявшего за Виктором Ника.

– Отставить сопли! – отрезал генерал. – Если трясутся поджилки, можете остаться, и на полотне истории будут красоваться другие имена! – строгий голос Майерса и приведенный им аргумент подействовал, и офицеры снова притихли. – Если больше вопросов нет, тогда завтра в девять часов в этом же зале окончательный инструктаж. Начало миссии в двенадцать часов.

– Генерал, можно ли обсудить с вами детали операции с глазу на глаз? – попросил Александр.

Майерс одобрительно кивнул и распорядился:

– Капитан Вольт, продолжить тренировки до восемнадцати часов! Разойтись!

– Я вас слушаю, профессор, – спокойным тоном начал генерал, оставшись наедине с Фостером.

– В чем причина недоверия со стороны Совета безопасности? Один корабль и один отряд это очень мало для исследовательской миссии, учитывая опасности, с которыми мы уже сталкивались.

– Совет считает, что все это становится чересчур затратным. Кроме того... – генерал сделал паузу, потерев ладонью подбородок, – есть еще один проект, который тоже должен быть завершен до конца этого года.

– Полагаю, моя должность обязывает меня находиться в курсе? – недвусмысленно намекнул Александр, по природе желавший получить доступ ко всей информации, которую только можно было обладать. – Это космический проект?

– Пока доподлинно не известно, – ответил Майерс, отведя взгляд, – поэтому не уверен, что вам необходимо в него вникать.

– И все же, я думаю, при моем уровне секретности, это допустимо, – настаивал профессор.

Генерал глубоко вздохнул и пристально посмотрел на профессора. Его сознание обуяли смешанные ощущения. На должности директора департамента он был уже многие годы и не раз уяснил себе одно простое правило – «если есть хоть один шанс сохранить секретную информацию в тайне от дополнительных ушей – нужно им обязательно воспользоваться». Однако, растущий авторитет Фостера в ОДО и его обширные научные и исторические изыскания, все же подкупали генерала тем, что когда-нибудь помощь профессора могла бы понадобиться и в этом вопросе.

– Это проект по поиску внеземных цивилизаций на планетах Солнечной системы, – наконец, выдал из себя генерал.

– Что вы имеете ввиду? Как мы знаем, инопланетные существа лишь дважды наведывались к нам. Розвелл и последние события. Разве не так?

– Некоторые члены Совета безопасности сомневаются в этом. ОДО на самом деле был основан под два проекта. Первым, как вы уже знаете, был «Розвелл». А второй...

– Второй? – торопился узнать все секреты департамента профессор.

– Проект «Посейдон». Это то, что отняло у ОДО больше всего сил за всю историю нашей организации. Советом безопасности был выделен секретный целевой грант на исследование затерянного континента.

– Атлантида? – закатил глаза Фостер. – Неужели и вы влезли в эти небывлицы?

– Да. И, похоже, мы потратили гораздо больше времени, чем все остальные исследователи и находимся весьма близко к разгадке. Какой бы она не была. В этом вопросе даже отрицательный результат – все равно результат.

– Двадцать лет назад и я думал, что близок к разгадке, но каждый раз впадал в череду бесконечных разочарований. В моей голове так и не сложилось стройной теории.

– Должен признаться, что и у нас пока тоже. Однако думаю вы понимаете, что наши возможности значительно превосходят те, которыми обладает индивидуал-любитель.

– Даже если так, при чем здесь внеземные цивилизации?

Видя, что без дополнительных разъяснений его аргументация будет казаться блеклой, Майерс зашагал к центру зала и, включив трехмерный проектор, стал сопровождать меняющиеся видеофрагменты краткими пояснениями.

– Как известно, еще Платон настаивал на том, что затонувший континент находится нигде иначе, как в Атлантическом океане. Совпадение названий в данном случае далеко не случайность. Могущественная Атлантида имела колонии на всех сформировавшихся в то время частях суши. Доказательств существования затопленных городов в Атлантическом океане более чем достаточно. Наши специалисты провели тысячи исследований на специальных квадроскатах, после чего мы погружали на километровые глубины целые подводные археологические экспедиции. Например, у северо-восточного побережья южной Америки по морскому дну тянется стена длиной более ста шестидесяти метров, сложенная из многотонных глыб. Первые масштабные подводные сооружения идентифицировали еще в 1968 году. Последующие экспедиции в тех же районах смогли даже идентифицировать под километровыми толщами воды подводный храм и нечто, напоминавшее сети дорог. В середине прошлого века среди многих авторитетных ученых были популярны и вовсе фантастические версии о том, что все люди вышли из Атлантиды. Однако теперь мы можем усомниться в этом. Мы считаем, что жители Атлантиды не были людьми в привычном нам понимании этого слова. Мозаика нашей теории начала складываться в единую картину, когда наше североафриканское подразделение обнаружило в трех пирамидах Египта документы об истории Атлантиды, спрятанные в так называемых Залах летописей. Там же обнаружили и останки последних атлантов, древних эмигрантов из Атлантиды. Кроме того, были извлечены таблицы с манускриптами, хирургические и музыкальные инструменты, лекарства, ткани. В зашифрованных древних текстах содержалась информация о том, что человечество должно подготовиться к приходу неких Архатов (Учителей человечества). Дословно: «Когда Сфинкс Гизы объявит свое предостережение, земляне должны быть готовы к великим событиям. Люди увидят ошеломляющие успехи цивилизации, существовавшей многие сотни тысяч лет назад». Разве, по-вашему, это не подтверждение наших предположений?

Майерс остановил кадр, на котором были изображены найденные тексты, а так же останки существ, весьма отдаленно напоминавших обычные человеческие формы. Профессор Фостер заворожено смотрел на голограммы, испускаемые трехмерным проектором. За все это

время он не обронил ни слова – то открывал рот, порываясь что-то спросить, то снова смыкал губы.

– В текстах также было дано историческое повествование, – продолжал генерал. – В древние времена, когда племена, давшие нам с вами жизнь, еще только учились орудовать палками, на территории планеты уже шла борьба между тремя группами. Одна из них – прародители Архаты или, как их называл Платон, Атланты и две группы, именовавшие себя Силами света и Силами тьмы. В результате войны огромный континент распался. Основная часть низверглась в пучину великого океана, на уцелевший правый материк переместились Войны света, на левый – Войны тьмы. На ушедшем под километры океанической толщи континенте, как раз и остались представители тех самых Архатов. Их молчание все это время говорит лишь о том, что они нашли способ существовать в подобных условиях и об их нежелании, по крайней мере, на сегодняшний день, дать себя обнаружить. Именно поэтому последние несколько лет наши экспедиции последовательно осуществляют многокилометровые погружения во все точки потенциального местоположения затонувшего континента, – закончил рассказ генерал, отобразив заключительный кадр с картой и нанесенными на нее черными точками.

– Бьюсь об заклад, что вы пока не обнаружили затонувший континент ни в одной из них, – с нескрываемой язвительностью ответил Александр, уже много десятилетий считавший любые теории об Атлантиде не более, чем красивой легендой для детей.

– Это так. Мы исследовали десять точек, помеченных крестами. Проблема заключается в том, что все эти точки расположены на средних пластах. Точки же А1 и А2 самые глубокие из всех и поэтому были отложены. Но теперь пришло время разобраться и с ними. Пока мы разговариваем, наше глубоководное подразделение проводит изыскания в точке А1. На последнее погружение, в точку А2, я отправлюсь лично. Глубина в ней чудовищная, и все члены команды нуждаются в моем непосредственном руководстве. Ставки слишком высоки. Совет безопасности требует отчета, и мы находимся на пороге великого открытия или великого разочарования.

– Но почему же вы так уверены именно во внеземном происхождении тех, кого вы с таким упорством ищете? – спросил профессор Фостер. Выслушав рассказ генерала, он, конечно же, не утратил уверенности в бесперспективности подобных исследований, однако желание найти ответ, на веками беспокоивший человечество вопрос все же снова закралось в его голову.

– Вы можете поверить в то, что на многокилометровой глубине, без кислорода, без доступа солнечных лучей могут существовать обычные люди?

Этот риторический вопрос заставил Александра глубоко задуматься. Он присел на стул и, приложив руку ко лбу, напряженно уставился на застывший кадр трехмерного проектора, который все еще отображал координаты заветных точек.

– Вы сами верите в Атлантиду? – наконец спросил Александр, глядя генералу прямо в глаза.

– Не имеет значения, во что я верю. Перед моей организацией поставлена задача, и я призван ее решить! – вполне предсказуемо ушел от ответа Майерс.

– Не лукавьте, – настаивал профессор, снова стараясь поймать убежавший от него взгляд генерала. – По себе знаю, как важно верит ли человек в то, что он пытается найти.

– Да, я верю, – после продолжительного молчания все же ответил генерал. – Поэтому я и отправляюсь туда сам. Кроме того, Совет безопасности поставил успешность этой миссии на карту моей репутации. Операция «Посейдон» назначена на следующий день после вашего старта на Проксиму.

Не слишком ли опасно такое отвлечение ресурсов ОДО? Два важных проекта проходят почти в одно время.

– Возможно... Меня и самого немного тревожит такая спешка. Увы, в Совете безопасности появились новые лица, и им не терпится как можно быстрее получить результаты, – Май-

ерс попытался скрыть недовольство и резко продолжил: – Это приказ Совбеза, и я вынужден ему подчиниться!

~ * * * ~

Ночь перед днем межзвездного перемещения выдалась безветренной, на удивление тихой и спокойной. Природа застыла в невероятной безмятежности, будто подсознательно готовясь к неизбежной перемене и приходу бури.

София наклонила голову, облокотившись на плечо Виктора. Ирина, обвитая нежными объятиями Алексея, смотрела на расчерченную, словно по линейке линию горизонта. Они уже давно не сидели вот так вчетвером, не обсуждая, не споря, а просто получая удовольствие от момента, наслаждаясь общением.

Если Алексею и Виктору все же удалось отстраниться и перестать снова и снова прокручивать перед собой этапы их важного задания, то девушки никак не могли совладать с напряжением.

– Кому все-таки понадобилось сбивать нас? Откуда взялся тот черный звездолет? – София никак не могла забыть тот ужасный день, когда, возвращаясь с Венеры, они подверглись неожиданному нападению в воздухе.

– Мне так не по себе, что я был так далеко от вас, – с грустью сказал Алексей. – Может я бы смог догнать их, пока Витя спасал вас из атлантической пучины.

– Не кори себя, старик, – вступил Виктор, – Главное, все обошлось. Меня гораздо больше интересует то, как им удалось всплыть. Ведь я продиагностировал «Беркут» сразу после возвращения. Двигатели – как решето. Им ремонт не поможет. Нужна полная замена. Я вскрыл черный ящик. Сразу после падения в океан, приборы зафиксировали падение мощности, но буквально через несколько минут, следует другая диаграмма. Системы снова функционируют в норме, скорость потери потенциала уменьшилась в разы. София включает приборы, и тяга выносит их на поверхность. Я несколько раз перепроверил данные и должен сказать вам, что ничего подобного я в жизни не видел. Словно какая-то невиданная сила не захотела, чтобы вы погибли.

София хотела рассказать о желтых вспышках света, о необычном сиянии, но, все же, подумав о том, как антинаучно это будет звучать из ее уст, не решилась это сделать. К тому же, состояние в котором она пребывала в тот момент, едва ли могло позволить ей отделить реальность от мистики.

Еще некоторое время друзья сидели рядом, молчаливо созерцая друг друга. Построить стройную теорию, которая хотя бы частично могла объяснить произошедшее, за неимением фактов они не могли. Наконец скопившееся за день эмоциональное напряжение взяло верх и, желая перевести разговор на более легкую тему, мысли Ирины потянулись к романтике:

– Как же прекрасен этот мир! Я могла бы без перерыва любоваться восходами, закатами и мерцанием звезд.

– Красоты этих созвездий кажутся нам такими великолепными, потому что мы, в каком-то смысле являемся их братьями, – заметила София. – У нас один отец. Каждая наша клетка, каждый атом, как и составные части звезд не что иное, как плод Большого взрыва. То, что произошло двенадцать миллиардов лет назад до сих пор является связующим звеном между нами.

Друзья с невероятным интересом прислушались к сказанному Софией. Никогда раньше им не приходило в голову посмотреть на взаимосвязь этих процессов со столь необычной точки зрения. На этот раз в научном красноречии она превзошла саму себя.

Посмотрев на брата, Ирина снова подвела разговор к теме предстоящего межзвездного перемещения. Уж слишком сильно было ее беспокойство за результат предстоящей операции.

– Скоро вы улетаєте туда, откуда Леша с трудом вернулся живым! – взгрустнув, в задумчивости провела параллель Ирина. Витя хотел успокоить сестру, но подобрать подходящие слова оказалось не так-то просто. Если бы им предстояло осуществить обычную исследовательскую операцию, остудить беспокойство волнуемых девушек было бы гораздо проще.

– Поверь мне, уж мы-то не дадим себя в обиду! И вернемся! – под звуки потрескивающего костра с уверенностью в голосе произнес Алексей.

– Может быть, стоит подумать еще раз? Обязательно ли лететь именно вам? В ОДО наверняка способны подобрать подходящие кандидатуры. В конце концов, что мы там забыли? У нас есть своя родина – Солнечная система! Здесь наш дом, и нам следует в первую очередь уделять время ему! – вступила в беседу София, но Алексей, всегда споривший с ней в этом вопросе, не сдержался и на сей раз. В этот момент он как никогда был похож на Александра.

– Пойми, нельзя так узко воспринимать окружающий нас мир. Что думали древние люди? Тысячи лет назад наши предки, считали родиной свой шалаш из сухих веток, поставленный ими у реки. А может даже и крошечную пещеру в скале, где они жарили на вертеле мамонта.

– Да, Леша прав, – вновь поддержал друга Виктор. – Лишь потом родиной стали называть селение, потом город, мегаполис, планету, и вот сейчас ты называешь родиной Солнечную систему. А все почему? Потому, что твоя мама живет на Венере, ты – на Земле, а твои дети, возможно, будут жить на Европе или Марсе.

Упоминание о детях встревожило воображение Софии и даже заставило ее слегка покраснеть. Непривыкшие к этой форме эмоциональной экспрессии щеки, налились сильным румянцем, который не смог ускользнуть от зоркого взгляда подруги.

– Ой, ну, что ты так смущаешься, Софи, – ты ведь уже не маленькая девочка. – Вон какими проектами руководишь, – захихикала Ирина, еще больше смутив ее.

– Кто бы говорил, – София неожиданно для всех решила выбрать наступательную тактику, чтобы оборониться от смущавших ее намеков. – Ты, между прочим, не дальше меня ушла в этом направлении.

– Дети – это вам не звездолеты, там ни рычажков, ни автопилотов, – заулыбался Алексей, посмотрев на возлюбленную. – Целая наука, постигать которую нужно постепенно, в небольших дозах. По мне так проще на Проксиму слетать.

– Вот... Вот... Вам бы только по планетам перемещаться, – подколола Ирина и игриво обняла его.

– Если честно, я то больше не за этого сорвиголову переживаю, а за отца. Оружия в руках никогда не держал, с мечом управляться не умеет, ни разу даже с нами в кендо не спарринговался, ... – закусив губу и покачав головой, сказала София.

– Ты бы видела, как он на последних тренировках манекенам головы сносил. Я глазам не поверил. Тот Александр Фостер, что впервые приехал к нам в гости ... его больше нет. Два разных человека, – Виктор был так поражен невероятным преображением профессора, что если бы не довлевшая над всеми ними секретность, наверняка уже разболтал бы об этом всем знакомым.

– Это точно, – закивал головой Алексей, – с тех пор как генерал разрешил ему участвовать в операции, он только и живет этим полетом. Преодолеть страх – это дорогого стоит. Одно дело смотреть на звезды через телескоп и разукрашенные распечатки с X10, и совсем другое решиться на опасное перемещение самому. Уж я то знаю.

– Пожалуйста, только будьте осторожнее! – услышав особый акцент, поставленный Алексеем на слове «опасное», взмолилась София. – Обещайте нам! Обещайте! Что будете заботиться друг о друге и не бросите в беде.

– Нам не нужно этого обещать. Мы как одно целое, – подбодрил ее Виктор и в дополнение успокаивающих слов трогательно обнял Софию. Нужные слова и романтические прикосновения помогли.

Влюбленные пары пробыли в объятиях друг друга до глубокой ночи. Наблюдая за звездами, каждый из них видел что-то особенное. Девушки складывали звездные цепочки в красивые созвездия. Здесь не было границ для их творчества, ибо каждый волен проводить соединительные линии, там, где их рисует его собственное воображение. Виктор и Алексей никак не могли отвести глаз от треугольника, в котором скрывалась Проксима. Даже отводя глаза на другие, более яркие созвездия, взгляд то и дело возвращался туда, где уже завтра им предстояло оказаться.

~ * * * ~

Входная дверь отворилась очень легко. Мускулистые руки Верна уже забыли как в семь лет он еще с трудом тянул ее на себя, упираясь ногами о скользкую плитку на крыльце.

Здесь, в доме, где он провел свое короткое детство, все словно застыло как в криогенной камере, упорно не поддаваясь сокрушительному воздействию времени. В век технологичных материалов, принимающих любые формы от размягченного пластика до сверхпрочных на основе графита, его мама предпочитала архаичную плетеную деревянную мебель.

Отворив дверь, он почувствовал тот самый тонкий, едва уловимый запах маминых духов, который так часто снился ему в снах. Что как не столь милые сердцу образы и запахи спасали его во время долгой разлуки с родными. И вот сейчас он снова здесь, в том самом доме, где он делал первые неустойчивые шаги, где пытался воспроизводить первые звуки и буквы. В гостиной все на том же почетном месте на небольшом столе под полками стояли любимые игрушки, которые мама хранила подобно иконам. Здесь же были его первые деревянные мечи и пара детских алюминиевых катан с пластмассовыми рукоятками. С самого детства именно этими симуляторами японских мечей он дорожил гораздо сильнее любых имитаторов пистолетов и автоматов.

Подойдя ближе к комоду, он обратил внимание на стоявшие там фотографии. Крайняя левая была фотография Элианы, и Верн поймал себя на мысли о том, как ярко сияла счастьем его мама в те ранние годы. Она стояла за кафедрой в черной мантии, правая рука сжимала твердую корочку диплома, а лицо было полно нескрываемой радости и надежды. В десяти сантиметрах от нее стояла и его собственная фотография. Он хорошо помнил день зачисления в секретную Академию ОДО. Как бы сильно он не старался скрыть волнения, камера все равно сумела выхватить именно тот неподходящий момент. Мама же напротив решила оставить именно этот кадр, приговаривая, что на нем он выглядел более естественным. Справа в рамке с серебристыми краями стояла фотография Андрея Олдрина. В строгом костюме и черном галстуке он стоял на фоне здания Гражданской администрации на Европе. Таким Верн навсегда и запечатлил его в памяти. Строгий взгляд, подтянутый стан, сквозящая во всем безупречность. Этот кадр был сделан всего за несколько месяцев до его смерти от Туберкулеза-Б. Болезнь диагностировали слишком поздно, и даже экстренная венерианская терапия не смогла оказать его организму необходимую поддержку. «Вот почему я привык называть его по имени» – эта мысль внезапно проскользнула в голове у Верна, и он потянулся рукой к фотографии, чтобы повнимательнее рассмотреть ее. Только сейчас, глядя на нее под иным углом, он старался найти и не находил ни одной общей черты. Да, иногда сын наследует очень мало от отца, но ведь должно же быть хоть что-то. Он взял в левую руку рамку с фотографией и принялся детально сравнивать образы. Ни рыжие волосы, ни разрез глаз, ни форма носа, ни даже оттенок цвета кожи, ничто не было похожим.

– Я тоже часто смотрю на нее, здесь ты такой забавный! – Верн услышал голос подходящей к нему матери.

Она прижала голову к его груди и нежно обвила руки за его спиной. Несколько секунд они стояли обнявшись, но истязające голову Верна мысли никак не давали ему покоя, и он решил, что лучше будет сразу задать мучивший его все это время вопрос.

– Андрей не был моим настоящим отцом, правда?

Не ожидав подобного вопроса Элиана заметно вздрогнула, но так как ее руки все еще сжимали в объятиях сына, Верн не мог не ощутить этого.

– Что ты такое говоришь, Верн. Конечно же он был твоим отцом, – попыталась изобразить уверенность Элиана, пользуясь тем, что формулировка вопроса допускала двусмысленность в ответе. – Мы вместе растили тебя.

– Я имею ввиду то, что Андрей не был моим физиологическим отцом. Сколько я себя помню, я никогда не называл его папой, для меня он всегда был Андреем.

– Сейчас такие нравы, Верн, посмотри на Морисов, они...

– Мама, скажи мне правду. Я имею право знать это. Посмотри на фотографии. Найди хоть что-то во мне похожее на него.

– Так часто бывает... Вот если бы ты родился девочкой, то скорее всего пошел бы в отца, – Элиана всеми силами стояла на своем и не сдавала привычных позиций. Верн не раз задавал подобные вопросы, когда был совсем ребенком, но тогда ей с легкостью удавалось убеждать его в абсурдности его сомнений.

– Мама, прошу не обманывай меня! Не обманывай хотя бы сейчас, – Верн сел за стол, приготовившись к тому, чтобы обнажить главные козыри. – В составе небольшой группы меня отправляют в ответственную операцию. Каждого из нас подвергают жесточайшим проверкам и тестированиям. Одна из них ДНК-проба для анализа генеалогии. Он подтасовал данные обо мне, чтобы я смог поступить в училище. Я очень благодарен ему, но генетический код перепроверили. Мама, мне уже известна половина правды. Мне необходимо знать оставшуюся часть.

Поджатые щеки Элианы и учатившееся дыхание окончательно выдали ее бесперспективные попытки завуалировать прошлое, которое она всеми силами старалась забыть. Она опустила взгляд, глубоко вздохнула и, придвинув к себе стакан с водой, сделала небольшой глоток, словно ожидая, что это поможет ей сосредоточиться.

– Я была молода и не в меру романтична, а он уже был заметный ученый. В тот же день когда он положил на меня взгляд, все мои подруги начали говорить мне, чтобы я не упускала таких возможностей. Каждая из них мечтала оказаться на моем месте, но он смотрел только на меня. Я стала его второй самой большой страстью в жизни после науки. Это должно было насторожить меня, но моя неопытность заслонила мне глаза, и я поверила в то, что смогу занять и первое место. Он говорил мне, что хотел семью, и я мечтала, что брак и ребенок скрепит наши отношения, и его амбиции хотя и останутся важными для него, все же отойдут на второй план. Так действительно продолжалось почти целый год. И, пожалуй, это был лучший год моей жизни. Мы были счастливы, жили одним днем и радовались каждой проведенной вместе минуте. Спустя некоторое время я поняла, что жду от него ребенка. Все произошло так быстро, что я даже не успела познакомить его с моими родителями. Со дня их встречи и началось непоправимое. Володя показался родителям безмерно заносчивым и грубым. Я и сама не узнавала его в тот день. Чуть позже мой отец рассказал мне, что работы Володи в Институте были признаны опасными и противозаконными. Его с позором перевели на другую должность. Узнав обо всем этом из газет, родители запретили мне встречаться с ним, а узнав о том, что скоро должен будешь появиться ты, отец пришел в такую ярость, что начал предлагать мне безумные вещи. Во время нашей последней встречи Володя так сильно нагрубил мне, что я поняла – мы уже никогда не будем вместе. Он потерял над собой контроль, унизил меня.

Элиана достала носовой платок и поднесла его к лицу, чтобы скрыть проступившие из глаз слезы. – Он видел тебя всего три раза, но после того, как я встретила Андрея, он сказал, что дальнейшие встречи с тобой будут приносить ему только боль. Сказал, что больше не хочет

видеть меня. Он предложил мне либо отдать тебя ему, либо больше никогда не встречаться. Как мать, я не могла выбрать первое. Кроме того, Андрей принял тебя как собственного сына, воспитывал тебя, дал тебе фамилию, помогал до последнего дня жизни. Поэтому я считаю, что он и был твоим настоящим отцом.

Элиана закончила рассказ и не удержалась от слез. События тех далеких дней, как оказалось, все так же сильно способны ранить ее сердце и душу.

– Фамилия, мама, его фамилия, – Верн с нетерпением ждал главных слов.

– Владимир Баррет, – не сдержав слез, выплеснула она.

– Он еще жив, мама? Где он сейчас?

– Я вырвала его из сердца, больше не хочу ничего знать о нем. Разве ты не понимаешь, как это больно для меня? – взмолилась Элиана. – Слишком много лет прошло с тех пор.

– Я должен найти его, мама. Пойми, это важно для меня.

– Я не буду помогать тебе в этом, Верн. Прости...

Элиана схватилась за сердце, и Верн, как заботливый сын, без лишних пояснений понял, что дальнейшие расспросы способны причинить ей не только моральную, но и физическую боль.

~ * * * ~

Скрывавшие в своих глубинах гром и молнию серые тучи быстро приближались к базе ОДО с востока, словно они тоже испытывали желание посмотреть на ожидавшееся историческое событие.

Все сотрудники департамента начали постепенно стекаться к главному космопорту и стоявшим неподалеку от нее колоннам фотонного контура. По приказу генерального штаба все подъезды к лагерю были перекрыты многотонными блоками, а воздушное пространство на много миль вокруг объявлено закрытым для полетов. Солдаты на вышках направили на полигон зеркала массивных прожекторов. Помещения казарм и научно-исследовательских зданий опустели в предвкушении начала исторической операции. Колонны фотонного контура оснастили дополнительным освещением, моргающие ярко-синие лампы также расставили по периметру полигона и взлетных полей.

– Итак, команда, это наш последний инструктаж. Через несколько минут мы преодолеем расстояние в четыре световых года и окажемся в другой звездной системе. Там, где еще не ступала нога почти ни одного человека. – Вильям бросил быстрый взгляд на Алексея, – и по данным этого человека, нам не придется ждать от тех краев ничего хорошего. Вы были выбраны как самые достойные и самые сведущие в своем ремесле люди. Давайте не будем забывать, что наша миссия исследовательская. Если угодно, мы получили мандат на встречу с другой цивилизацией и применять силу будем только в тех случаях, когда нам самим будет угрожать опасность. Звездолет укомплектован самыми последними видами вооружения, включая боевых «Рапторов». Надеюсь, ваши тренировки не прошли даром, и в критической ситуации мы дадим надежный отпор. Вопросы?

– А кормить-то будут? Самый плохой сценарий подразумевает, что мы проведем там несколько недель, – шутиливо осведомился Мэл.

– На корабле находится месячный запас продовольствия. Больше нам и не нужно. Несколько дней мы сможем продержаться исключительно на запасах в спецкостюмах. В нижней секции вы найдете небольшие контейнеры с концентрированным питанием. Еще вопросы?

– Где будет открываться межзвездный тоннель? Сможем ли мы войти в него какими-то иными способами? Если вдруг что-то произойдет с нашим звездолетом... – вступил в эстафету вопросов Верн.

– Точка открытия межзвездного тоннеля неизменна, для удобства в поиске координат она находится на расстоянии пятисот метров от поверхности планеты П1. Ближе опасно, вы можете врезаться в грунт. Ответ на твой вопрос – нет. Вернуться обратно без корабля не получится. Просто так на полукилометровую высоту не запрыгнешь. Мы должны понимать, что эта операция сопряжена с большим риском. Еще вопросы?

Вильям оглядел стоящий перед ним отряд и, не увидев поднятых рук, распорядился о начале первой фазы операции.

Виктор сосредоточено осматривал двигатели «Фотона». Александр поправлял военный костюм, который в полном обмундировании оказался гораздо тяжелее, чем он предполагал. Алексей бросал беглые взгляды на колонны фотонного контура, которые до сих пор, как и в первый раз, когда он увидел их, вызывали в его сердце необычный трепет. Но в этот день к обычным ожиданиям чего-то сверхъестественного к ним прибавлялись еще и столь не характерные для него нотки неуверенности. После первого полета эйфория от межзвездного перемещения уже сменялась вполне естественными для такой ситуации опасениями. Ник, Джейсон и Мэл проверяли вооружение, периодически снабжая этот процесс пикантными словами. Лишь только Верн не выказывал ни единой тени беспокойства. Его молодое сердце жаждало опасных приключений и достойных противников, однако голова не переставала терзаться мыслями о способах отыскать отца. По возвращении с Проксимы он пообещал себе, что отправится на марсианскую базу ОДО, чтобы любой ценой получить нужную ему информацию.

– Оперативная группа к выполнению миссии по межзвездному перемещению готова, – передал по рации капитан Вольт и, обратившись к группе, добавил: – Всем проследовать на корабль. Мы начинаем!

Огромный звездолет в молчаливом спокойствии стоял на главном взлетном поле рядом с величественными колоннами фотонного контура. Александр еще неделю назад завершил последние проверки функционирования установки на новом топливном элементе. Командный пункт ОДО пребывал в ожидании необыкновенного зрелища.

– Это, что за новая эмблема? – обратился Алексей к капитану.

– В ОДО принято давать названия животных всем космическим кораблям участвующим в судьбоносных экспериментах. Вот дошло время и до вашего «Фотона-1». Теперь его окрестили «Черным ягуаром».

– Ну надо же, – вступил Виктор. – Мой корабль переименовывают без моего участия.

– Ну ладно не кипятись, такова процедура, – спокойно ответил Вильям. – Все готово, Вик? Можно я буду тебя так называть? Не люблю длинные имена, – обратился капитан Вольт к Виктору, осуществлявшему окончательное тестирование готовности двигателей «Фотона» к взлету.

– Как скажете, кэп, – подмигнул Виктор и, повернувшись к приборной панели, заговорил с кораблем, как с живым человеком. – Ну что, Фотончик – Черный ягуар, не подведи! – прошептал он и легким привычным движением перевел двигатели в режим тестового прогрева. Корабль заметно завибрировал и начал медленно отрываться от земли, разводя в стороны клубы дыма и пыли. – Говорит Виктор Берг. Прошу разрешить старт и межзвездное перемещение.

– Внимание группе, это генеральный штаб ОДО. Взлет и перемещение разрешаем. Повторяю, взлет и перемещение разрешаем! – послышалось в ответ.

– Вас понял. Поехали! Так ведь принято говорить, в таких случаях? – весело прокричал Виктор.

– Ну, с богом! – прошептал Алексей и едва заметно перекрестился.

Колонны, только что еще молчаливо стоявшие без действия, дернулись от подаваемой на них нагрузки, и в центре разделявшего их пространства начало образовываться голубое мерцающее сияние.

«Фотон-1» набирал скорость. Отлетев от колонны на километр, Виктор резко развернул корабль. Тем временем колонны уже разразились пульсирующим низким гулом, и голубое поле разъелось непроглядной чернотой далекого космоса. Не прошло и минуты, как звездолет выправил курс и исчез в образованном фотонным контуром межзвездном тоннеле.

Никто из отважной команды первооткрывателей еще не представлял, какие тяжелые испытания приготовила для них судьба.

/Звездная система Проксима./

Первое, что почувствовал Виктор после осуществления перемещения, был сильный удар по корпусу корабля. Что-то очень большое проскрежетало по днищу, и приборная панель озагорилась множеством моргающих сигналов.

– Так что, мы уже на месте? Пора в бой?! – послышался низкий голос Джейсона. Его жилистые предплечья и массивные кулаки могли бы дать жару любому противнику, а карие, немного злые глаза пугали почти каждого, встречавшего его впервые.

– Да, подождите вы! Что-то не так с кораблем. У нас пробоина. Разгерметизация трех нижних отсеков, а они отвечают за устойчивость, телеметрию, вертикальный взлет и посадку – воскликнул Виктор. – Скорее всего, планету окружает астероидный пояс.

– Обалдеть! Значит мы уже за четыре световых года от Земли? – не унимался Джейсон, который в глубине души не верил в возможность межзвездного перемещения.

– Сам, посмотри, Джей! Иллюминаторы для чего! – недовольно пробурчал Вильям, бросив беглый взгляд на изменившуюся вокруг них картину расположения планет. – Виктор, так что с кораблем? Что можно сделать?

– Ну и ну! Мы в другой звездной системе! Я чувствую себя Гагариным и Армстронгом в одном лице! – послышался восторженный голос Верна.

– Нам срочно нужно посадить корабль. Во время полета все три отсека починить невозможно. Два – можно, три – уже нет, – заговорил Алексей, вспомнив чертежи и документацию, которые Берги представили вместе с кораблем.

– Спокойно, мы совсем близко от поверхности планеты, – взглянув на светящийся дисплей, заговорил Виктор, – Только... Она вся черная...

– Так и должно быть, – перебил Алексей. – Мы с обратной стороны планеты. Здесь глубокая ночь. Вспышки Проксимы сюда не доходят.

– Нужно срочно искать место для посадки. Скоро разгерметизация дойдет до четвертого отсека, и тогда всему запасу нашего кислорода конец, – предостерег Виктор. – Я начинаю снижение.

«Фотон-1» начало трясти еще сильнее, чем в момент перемещения через межзвездный тоннель.

– Что с атмосферой? – поинтересовался все это время молчавший профессор.

– На удивление похожа с земную, чуть больше процентовка кислорода. Возможно, первое время будет болеть голова. Но главное, думаю, здесь мы сможем перемещаться без скафандров, – ответил Алексей.

– Удивительно! Хотя какие-то хорошие новости! – прошептал Верн.

– Держитесь! Сейчас потрясет! – Виктор резко осадил штурвал, и корабль начал с огромной скоростью приближаться к поверхности планеты.

«Фотон-1» шел на резкое снижение и вскоре начал проходить через плотные слои. Дым, испускаемый накалившимися титановыми пластинами звездолета, тут же сменился непроглядным туманом, не давая возможности разглядеть в лобовые стекла и иллюминаторы хоть какие-то очертания.

– Включаю экстренные противотуманные прожекторы! Скорость слишком высока! Сбавь хотя бы до тысячи! – прокричал дрожащим от перегрузок голосом Виктор.

– Пытаюсь! У нас что-то с правым двигателем. Видимо его тоже задело при ударе! – молниеносно ответил Алексей.

– Да, действительно. Диагностика показывает тридцати процентную деградацию мощности. – Переходи на ручной режим управления тягами и балансируй на двух третях мощности!

– Выставил! Держу на семидесяти процентах, опускаю до пятидесяти. Высота – всего полкилометра. Радар показывает, что впереди большая пригодная для посадки площадка, но дальше какая-то горная гряда. Включаю реверс, постарайся не рухнуть на правый двигатель, наклон оси больше десяти процентов. А видимость по-прежнему нулевая. Проклятый туман.

– Может это болото? Тогда нам конец. Не вытащим потом и двигатели угробим.

– У нас нет выбора. Или здесь или врежемся в гору.

– Прав. Снижаюсь. Двести метров. Сто. Пятьдесят.

Звездолет издал сильный звук трения и затрясся от мощного удара о поверхность планеты. Автоматические тормоза попытались удержать корабль, но скорость была слишком высока, и «Фотон-1» еще некоторое время двигался по инерции, пока развернувшись на девяносто градусов, не ударился правым бортом обо что-то невероятно прочное.

– Мягкая посадка, ничего не скажешь! – съязвил Мэл, поглаживая ушибленную голову.

– Хватит ныть! – скомандовал капитан Вольт. – Давайте лучше думать, как выбраться отсюда! Вик, что с кораблем?

– Плохо дело. Правому двигателю и так досталось, а теперь еще и в гору какую-то им въехали. Со сломанным двигателем и тремя неисправными отсеками мы до точки возвращения не долетим. Нужен серьезный ремонт.

– Что с оборудованием и грузом?

– Эти отсеки не пострадали!

– Хотя что-то радует... Мэл, Джим! Приступайте к выгрузке! Атмосфера в норме! Будем выдвигаться в полном снаряжении, но без скафандров.

Профессор Фостер никак не мог оторвать взгляд от иллюминатора, время от времени повторяя «Звездная система Проксима... Звездная система Проксима». И хотя сильный туман не позволял разглядеть никаких деталей ландшафта, трепет Александра был так велик, что он не мог отвести глаз от толстых стекол иллюминатора.

Его охватило казалось уже давно забытое чувство. Часами просиживая в лабораториях, ставя эксперименты, выводя формулы, он чуть было не утратил ту младенческую жажду приключений, которая живет в душе каждого мужчины. Это чувство неизбежности встречи с чем-то новым, с неизведанной реальностью, находившейся на фантастическом отдалении от их собственной, не давало ему покоя и заставляло содрогаться его уже не молодой организм. Кровь прилила к голове, на сердце стало как-то необычно тревожно и вместе с тем задорно. Он жадно глотал глазами каждую частичку увиденного им мира, мира который всегда жил лишь в его воображении и вымышленных чертежах и картах, в которые в былые времена не верил ни один человек во всей Солнечной системе. Ему хотелось увековечить эти ощущения. Включив любимый диктофон, он начал робкие попытки сохранить в его недрах память об увиденном, трансформировать в слова бурлящие переживания.

Тем временем Мэл и Джим уже медленно сходили по трапу звездолета и начали внимательно ощупывать почву.

– Кажется все в норме, капитан!

– Включайте аудио-видео трансммиттеры и датчики движения, – отозвался Вильям. – Частота сто мегагерц.

– Туман означает повышенную влажность, а раз так – здесь должна быть и вода. А если есть вода, значит должны быть и живые существа, – констатировал профессор, одновременно проверяя передатчик, похлопывая по нему указательным пальцем правой руки.

– Верно, только где именно эти живые существа и что они предпримут, впервые увидев нас? – вышел в эфир Джим. – Приборы показывают, что горная гряда тянется на десятки километров в обе стороны. Но в двухстах метра от нас, если верить датчику, есть сквозной проход.

– Предлагаю осмотреться! Время пока у нас есть. Затем вернуться к кораблю для произведения ремонта! – распорядился Вильям и зашагал вперед первым.

Испещренная каменными морщинами горная гряда преграждала отряду путь. Растянувшись в неприступную стену, она проходила сквозь густую пелену тумана, словно пытаясь начертить что-то острыми пиками на высоких облаках. Почти вертикальное подножие горы было облеплено неведомым багровым пористым растением. В какой-то момент Джиму даже показалось, что одна из толстых ответвлений отделилась от каменной преграды и проползла рядом с ним подобно щупальцу гигантского осьминога. Сняв винтовку с предохранителя, он сделал пару одиночных выстрелов и прибавил ходу.

– Отставить! Ты что палишь по растениям? – скомандовал Вильям, подтягивая за собой группу. – Алексей! Узнаешь хоть что-то?

– Боюсь, что нет. Я же был совершенно на другой планете. Там еще то пекло было. Здесь, судя по показаниям минус тридцать градусов по Цельсию. Холодновато.

– Учитывая, что Проксима излучает энергию не постоянно, а небольшими вспышками, я ожидал еще более низких температур. Видимо все дело в том, что планета находится на более близкой орбите звезды, чем Марс и Земля.

– Включить биоподдержку системы жизнеобеспечения! – скомандовал Вильям.

– Как может образовываться туман при такой низкой температуре! – пробурчал Алексей.

– Я тоже обратил внимание на это, – ответил по рации профессор. – Такая большая влажность, при таких низких температурах. На Земле такое было бы невозможно. Разберемся с этим попозже.

Вскоре туман начал немного рассеиваться, и группа стала продвигаться все ближе к искомому проходу в горной гряде. Впереди шли Верн, Ник, Джейсон и Мэл, за ними Вильям, Джим и профессор, замыкали отряд Алексей и Виктор.

Проход в скалистой гряде оказался большой бескрайней пещерой, и все же приборы упорно показывали наличие выхода с другой стороны тоннеля. Удлиненная пещера утопала в темноте, и лишь выпущенные Джимом красные сигнальные огни позволяли хоть и медленно, но все же продвигаться вперед. Под их ногами что-то захрустело. Воздух становился бедным до кислорода и им снова пришлось надеть защитные маски.

– Что на датчиках движения, Джей?

– Пока тишина, капитан! Только умалишенному живому существу придет в голову делать в таком месте свой дом!

– Смею вас уверить, Джейсон! Мы и не предполагаем, сколько различных форм жизни может потенциально существовать, – послышался в эфире голос профессора. – Почему бы кому-то из них не поселиться и здесь?

Группа продолжала движение с большой осторожностью, и вскоре, сверившись с датчиками, они обнаружили, что преодолели почти треть пути, однако пейзаж вокруг них не претерпевал никаких изменений. Разве что потолок стал значительно выше. Своды пещеры уже не свисали так низко над их головами.

– Харум... – внезапно послышалось в царствующей вокруг тишине.

– Ты слышал это? – опешил Алексей, взглянув на идущего с ним рядом Виктора.

– Я думал мне показалось... Так ты тоже слышал?

– Что там у вас? – заинтересовался возвращавшийся к ним капитан. – Что на датчиках движения?

– Харум-шаль-ук! – снова прозвучал чей-то тихий голос. Проходивший ближе всего к его источнику Мэл, от испуга чуть было не пустил в ход ионную пушку.

– Да что же это такое! Вы слышали это? – он навел мощный свет подствольного фонаря на потолок и чуть было не онемел от увиденного. Привязанное каким-то канатом из органического вещества сверху свисало тело живого существа.

– Шаль-ум-шаль-кут! – снова повторило существо.

– Что он говорит? Просит освободить его? Профессор? – уточнил Вильям. – Вы знакомы с этим языком? Почему наши детекторы не переводят его?

– Не может быть! Мне кажется, я знаю, что это за наречие, – ответил профессор, не переставая покачивать головой в порыве невероятного удивления. – Так бывает в случае с мертвыми языками. Сейчас система переберет все возможные комбинации.

– Спасайтесь! Скоро они будут здесь! – каждый услышал эту фразу, и даже бывалый в сотнях боевых операциях Вильям беспокойно передернулся и стал озаряться по сторонам.

– Кто они? Почему ты привязан? – вступил в диалог Алексей, понимая тревожность сложившейся ситуации. Лингводетекторы наконец-то позволили им наладить коммуникацию.

– Слишком поздно для объяснений, бегите! Бегите по коридору и, возможно, вы получите шанс! – с трудом выдавливая слова, ответил изнеможенный пленник.

– Нет, уж мы не бросим тебя здесь, – ответил Вильям, прицеливаясь в сковывающие ноги незнакомца канаты.

– Во мне страшная угроза. Я буду только обузой, не тратьте на меня вре...

Окончить фразу он не успел, меткий выстрел поразил плетеные органические веревки, и падающего пленника подхватили Верн и Мэл.

– Мы прибыли к вам из Солнечной Систе... – хотел было начать диалог капитан, как вдруг датчик движения стал издавать пронзительные сигналы, не предвещавшие отряду ничего хорошего. Подняв головы вверх, Алексей и Ник увидели, как еще несколько секунд назад свисавшая с потолка веревка, подтянулась вверх и будто живая исчезла во мраке вместе с потухшими красными факелами.

– Что происходит-то? Еще света! Что на датчиках? – закричал Мэл.

– Выхватив ловким движением из специальных карманов на ремне искрящиеся факелы, Джим бросил их в разные стороны, на сколько хватило сил.

– Капитан! Движение! – послышался голос Джима. Отступая назад и оттесняя профессора и Виктора к вожаемому выходу, он одновременно снимал с предохранителя винтовку и подствольный гранатомет.

– Да, я тоже фиксирую две. Нет, три, шесть, двенадцать... количество постоянно увеличивается, – подтвердил Джейсон.

– Кто это? – Вильям бросил беспокойный взгляд на только что спасенного незнакомца. – Говори, если можешь помочь нам! Говори!

– Охменры, пораженные кордицепсом! – послышался короткий ответ незнакомца.

– Конечно, охменры, как же мы сразу не догадались... – съязвил Мэл, изо всех сил вцепившийся в огнемёт. – Сказал бы лучше, опасны ли они? Кто это?

Но вместо ответа друзья увидели наглядное подтверждение худшим опасениям. Долгому объяснению незнакомец предпочел бегство. Дождаться дополнительных доказательств опасности не было необходимости, и все же офицеры предпочли встречу с неизвестностью лицом к лицу.

– Ребята, вы со мной? – обратился Мэл к Джейсону и Джиму. – Чтобы это ни было! Будьте готовы задать им жару! Мы спинами к врагам не поворачиваемся!

– Пятнадцать метров, десять, пять... Где же они? – прокричал Джим и, не успев закончить фразу, лицезрел ответ на вопрос. Что-то темно-зеленое набросилось на него, прыгнув с потолка. Времени на выяснение причины агрессии не оставалось, и лейтенант выпустил дюжину выстрелов в нападавшее существо. Почти все заряды достигли цели, но чудовище всего лишь отбросило на несколько метров назад, что только еще больше обозлило его.

Разливавшийся по стенам пещеры свет красных подствольных фонарей озарил силуэты десятков скрежещающих зубами чудовищ. Ростом они были не больше полутора метров, но зато в ловкости, скорости движений и стойкости к воздействиям оружия они значительно превосходили группу офицеров, тщетно пытавшуюся усмирить разбушевавшихся существ.

– Мы не хотим вам зла! Отступите назад! У нас оружие и мы применим его, если вы не прекратите агрессию! – кричал подбежавший капитан.

На какой-то момент темно-зеленые монстры замедлили приближение, и это дало команде небольшую передышку.

– Профессор! Алексей, Виктор! Догоните того пленника! Он явно не похож на них, наверняка он многое может рассказать! – продолжал командовать Вильям. – Ребята, а вы со мной! Плечо к плечу.

Последнее распоряжение было весьма кстати, темно-зеленые существа успели быстро перегруппироваться и явно задумали обойти их по флангам и настигнуть с новой силой. Их мутные глаза налились кровью, они опустили на четыре конечности и в таком положении стали больше похожи на гигантских мускулистых шакалов.

– Попробуют пробраться по стенам – открываем огонь! По глазам видно, что договариваться они не хотят, – прошептал по рации Джейсон. Его слова прозвучали почти в полной тишине, так как подступающие неприятели выказывали агрессию лишь ужасающей мимикой лиц и негромким шипением.

Как и предположил Вильям, несколько зеленых чудовищ попытались набрать скорость и, перескочив через выстроенную офицерами оборонительную блокаду, попытались атаковать группу с тыла. Но Джим и Верн ожидали такого расклада, и серия трассирующих выстрелов не заставили себя долго ждать. Двоих хищников ионные разряды сразили наповал, еще один попытался встать на две ноги и наброситься на Вильяма, но вовремя увидевший этот маневр Джейсон поразил его подствольным гранатометом, еще двух смог обезглавить Верн, вытащив из-за спины, прихваченную с собой катану. А вот самый большой из всей стаи нападавших монстров оказался на удивление проворнее остальных. Хоть и получив осколочное ранение, он преодолел живой кордон и устремился вперед по коридору. Бестии не сдавались, за маленькими следовали более крупные особи.

Попытавшийся выстрелить ему вслед Джейсон был остановлен Вильямом, который опасался, что неточное попадание может поразить своих.

– Вик! Мы упустили одного из этих тварей! Он движется прямо за вами! – успел произнести Вильям, как оставшиеся хищники стали снова набрасываться на них. Мэл и Джим в тот же миг залили кидавшихся на них монстров пламенем огнеметов. Битва продолжалась.

Тем временем беглец показывал удивительную прыть. Раны на удивление не мешали ему бежать с такой скоростью, что настигавшим его преследователям, казалось, что он обрел какую-то магическую силу. В тот момент, когда Алексей, Виктор и профессор почти нагнали беглеца, он неожиданно споткнулся о какой-то камень и рухнул на землю. Все произошло так стремительно, что друзья и не успели опомниться, как перегнали его, а, развернувшись назад, увидели рядом с лежавшим инопланетянином чудовище, о котором предупреждал Вильям. Указательный палец Виктора в молниеносном движении скользнул к спусковому крючку ионной пушки, но стрелять он не решился, боясь, что выстрел заденет беглеца. Однако вместо того, чтобы растерзать с трудом полученную добычу, монстр, фырча, обнюхивал оперевшегося на локти раненого. Прошло еще несколько секунд невероятного напряжения, Александр и Алексей присоединились к Виктору и тоже направили стволы орудий в сторону потенциальной опасности. Монстр издал оглушающий рев и, обнажив острые зубы, к удивлению, оставил беглеца нетронутым. Попытавшись наброситься на Алексея, он был в тот же момент сражен выстрелами.

– Еще четверо прорвались к вам! – снова послышался прерывавшийся криками и звуками орудий, голос Вольта.

Алексей бросил молниеносный взгляд на Виктора и профессора и кивком головы показал им двигаться вперед вместе с раненым пленником. Сам же сделал несколько шагов вперед и, прикрыв их спиной, стал настороженно выслеживать чудовищ.

Всего через минуту их блестящая маленькими чешуйками кожа уже показалась в свете его подствольных фонарей. Двоих из них он уничтожил гранатометами, но на этот раз чудовища не решились нападать вместе. Двое других оббежали его по стенам и устремились дальше. Алексей попытался поразить их вдогонку ионными пульсарами. Еще одно существо было повержено, но четвертое, даже будучи раненым, так быстро продолжало продвигаться вперед, что все последующие выстрелы оказались безрезультатными.

– Один остался! – прокричал Алексей в рацию. – Берегитесь!

Услышав усиливающееся с каждой секундой рычание, Виктор попросил Александра не останавливаться и идти дальше. Тем более, что вдали уже было можно различить долгожданный выход из длинной пещеры. Обернувшись, Виктор увидел, как монстр встал во весь рост, вытянув вперед жилистые лапы. Один удар такими когтистыми, как острая бритва, конечно-стями означал бы неминуемую гибель. И все же Виктор не растерялся. Быстрым движением он выхватил огнемёт. Оружие мгновенно воспламенило безудержный смертоносный поток. Но даже тысячеградусная температура оказалась существу нипочем. В невероятном прыжке монстр преодолел несколько метров, сильнейшим ударом выбил оружие из рук Виктора и отбросил его в сторону. Увидев, как поверженное тело противника сползло по стене на землю, чудовище непременно убило его, если бы не подоспевший Алексей. Точные трассирующие выстрелы из винтовки отбросили существо на несколько метров от Виктора. Алексей перескочил через друга и, переключившись на гранатомет, со всей силой нажал на курок, как вдруг вспомнил, что в спешке забыл перезарядить оружие. Противник моментально воспользовался этой осечкой, и мощный удар мускулистой лапой пришелся на грудную клетку – острые когти, пройдя через ремни, удерживавшие оружие, и кевларовое покрытие бронежилета, поцарапали кожу. Алексей скорчился от боли, но все же смог оттолкнуть зверя ногой, а сам, успев лишь выхватить из-за спины меч, повалился на землю. Однако кровожадный хищник моментально оправился от удара и, оттолкнув упавшие рядом с Алексеем гранатомет и ионную пушку, снова накинулся на лежащего на земле противника. Меч Алексея скользнул вверх, и чудовище, не успевшее отреагировать, в тот же миг пронзила острая сталь клинка. Монстр издал оглушительный рев, но к удивлению Алексея продолжал нападать, будто такое ранение казалось ему небольшой царапиной. Неприятные ассоциации с перенесенным не так давно боем с актиномицетом на Земле промелькнули в его сознании подобно внезапно образовавшемуся в солнечный день грозовому разряду. Он повернул рукоятку меча, и это лишь еще раз убедило его в сходстве. То, от чего бы любое другое живое существо непременно бы умерло, напавшему на него хищнику было совершенно нипочем. Алексей в порыве, близком к отчаянию, оттолкнул существо ногами и, схватившись рукой за рану, встал на ноги. Чудовище же ухватило за рукоятку меча и, вытащив клинок из тела, еще несколько секунд смотрело на оставшуюся на нем зеленую слизь. В довершении всего, издав пронзительный рев, монстр пренебрежительно отбросил меч в сторону. Не успев отдышаться, Алексей приготовился к самому страшному, что обязательно произошло, если бы не неожиданно прозвучавший в тоннеле выстрел. Пятисантиметровый снаряд, озарив красным сиянием стены пещеры, угодил кровожадному существу прямо в шею и, разорвавшись там, не оставил ему ни единого шанса выжить. Оглянувшись назад, Алексей увидел профессора стоявшего посередине коридора. Дуло его гранатомета еще дымилось от только что произведенного выстрела.

– Неплохо, профессор! Вот уж не ожидал! – заликовал, качая головой, Алексей.

– Иногда обстоятельства принуждают к чрезвычайным мерам! – улыбнулся, даже в этот момент погруженный в какие-то размышления, Александр.

– Витя! – вдруг опомнился Алексей и подбежал к стене, у которой лежал его друг. – Ты жив? Скажи хоть слово?

– Сильно меня потрянула! Голова гудит! – пробормотал Виктор в ответ и, ухватившись за протянутую товарищем руку, поднялся на ноги. – Как сам?

– Расцарапала меня, гадина! – ответил Алексей, показывая глубокие раны на груди. – Но держись!

– Быстрее! Нужно догнать пленника! – прокричал Александр, показывая на приближающийся к выходу из тоннеля силуэт.

Тем временем, бой, который держала первая группа, также закончился весьма успешно. Потирая рукой полученные ссадины, Мэл жестом показал капитану, что датчик движения наконец-то успокоился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.